

Д1794

Рос 1-4
1-694

№ 46-й.

ОКТАБРЬ 1923 Г.

Цена 15 цент.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
- ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

С О Д Е Р Ж А Н И Е :

Убийство Льва Чорного и большевики.

Органическое направление в анархизме.

Анархисты и аграрный вопрос.

Антимилитаризм в России.

Первое Международное Товарищество Рабочих.

Воспоминания анархиста.

Об анархическом индивидуализме.

Что такое матерьялизм.

Тезисы доклада Международному Конгрессу Анархистов о революционном насилии.

Распятая (Стихотворение).

О законах (Пословицы и поговорки).

А. 1794
Рос 4-4
1-627

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА
64-184

УБИЙСТВО ЛЬВА ЧОРНОГО И БОЛЬШЕВИКИ.

(К двухлетию расстрела его чрезвычайкой).

Бывают преступления, которых нельзя ни забыть, ни простить. И бывают в истории человечества какие то исключительные эпохи, когда совершаются и исключительные, чудовищные преступления. Герострат сжигает храм Дианы, чтобы этим страшным, святотатственным в древней Греции, преступлением обессмертить свое имя.

Римский правитель Иудеи — Пилат, по приказу которого распинают Христа, попадает в

галерею исторических преступников, хотя и с некоторыми смягчающими вину обстоятельствами. Но все эти, так называемые "величайшие" преступники, в сравнении с современными заплочных дел мастерами, кажутся нам не более как мальчиками, а их страшные злодеяния — детской забавой, простым озорством.

Можно ли себе представить, чтобы глава Всероссийской чрезвычайки г. Держинский, когда либо сокрушался о невинно пролитой крови

своих жертв, и, подобно своему римскому коллеге Пилату, пытался бы успокоить угрызения совести хотя бы и пилатовским умыванием рук. Если бы у г. Дзержинского появилось нечто напоминающее намеки отсутствующей в этом звере совести, то глава Всероссийской живодерки наверняка удавился бы, или приказал бы расстрелять самого себя за проявление подобного малодушия.

Инквизитор и садист Дзержинский, вкупе с Лениным, Троцким, Бухариным и прочими апостолами клуто-большевизма, воистину могут гордиться тем, что их подлой рукой замучен и убит в застенках че—ка **Лев Чорный**. Палаческая машина Дзержинского убила его трусливо, коварно, предательски, заметая следы совершенного злодеяния.

Придушив в подвале московской чрезвычайки свою жертву, большевистское правительство мельком сообщило в казенной прессе о расстреле какого то "бандита" Турчанинова, не имея мужества и смелости сказать, что убило оно **Льва Чорного**, которого знала вся Россия, а теперь знает и весь мир, как выдающегося философа-анархиста и активного участника русского освободительного движения.

Никто, конечно, не поверил сочиненной большевиками истории о бандитизме и уголовной преступности **Льва Чорного**. Для всех было ясно, что новая власть просто свела счеты с одним из своих опасных политических противников, и убрала его с своего пути предательским выстрелом в затылок.

Большевистские верхи хорошо знали **Льва Чорного** еще за-долго до первой русской революции по его литературным трудам, в которых он, почти с фотографической точностью, рисовал нынешних правителей России в таком же самом свете, в каком они действительно показали себя, очутившись у власти, т. е. бессердечными, кровожадными тиранами, инквизиторами, убийцами и мотыльниками свободы.

В своей книге "Ассоциационный Анархизм" **Лев Чорный** с омерзением и гадливостью говорит о коммунистах государственныхниках, сравнивая их со "стаею собак со связанными хвостами", а их лидеров с клутом в руках, в роли погонщиков обращенного ими в стадо человеческого обще-

ства.

Если **Лев Чорный** еще в 1905 году был подобного мнения о коммунистах, и зло и ядовито нападал на будущих властителей России, тогда еще представлявших маленькую и слабенькую кучку политиканов, то можно догадаться какого мнения мог быть **Лев Чорный** о коммунистических генералах, получивших уже "соответствующую своим зубам силу", и что он мог думать об этих рыцарях застенка, ножа, колотушки и пули.

Большевики разгромили и разорили массовое анархистское движение в России. Различными заманчивыми обещаниями, угрозами и пытками они переманили на свою сторону многих своих политических противников: белых, зеленых, голубых и даже некоторых анархистов. Они, однако, были уверены в том, что **Льва Чорного** невозможно ни кунить, ни запугать. Скитания по тюрьмам и ссылкам в мрачные дни царизма, пытки и мучения в застенках че—ка не могли сломить бунтарского духа этого бесстрашного революционера и борца. Его можно было лишь убить. И коварно, подло, разбойнически.

Под черным покровом ночи

Расстреляли трусливо тебя палачи...

* * *

Распятие Христа не обошлось, как мы знаем, без участия предателя. В то отдаленное, нецивилизованное время предательство считалось настолько омерзительным поступком, что, по уверению историков, Иуда Искариотский, из-за презрения к самому себе, повесился.

Не то совсем мы видим в деле **Льва Чорного**. В нем фигурирует уже несколько преемников Иуды Искариотского, на перебой старающихся предать свою жертву чрезвычайке по сходной цене. Штейнеров, Зехцер, "шоффер", и целый ряд других пока еще неизвестных провокаторов, расставляют свои паучьи сети, что бы как можно вернее и лучше поймать в них свою жертву.

Руками этих негодяев и было подстроено все злополучное дело с фабрикацией ничего не стоящих советских рублей, которое послужило официальной причиной убийства **Льва Чорного**. Эту сомнительную историю придумали большеви-

ки, чтобы скрыть действительные мотивы этого политического убийства.

Убили же большевики Чорного потому, что он был слишком популярен среди трудовых масс России; Чорного большевики знали и боялись, как организатора черной гвардии, как вдохновителя захвата особняков, и больше всего пугало их убийственное для марксистских книжников и фарисеев его перо, его огненное слово, неустанная пропаганда анархистских идей, потрясавшая основы большевизма.

Чорный и большевистская тирания, как две противоположности, не могли ужиться рядом одна с другой.

Убивая Чорного, большевики думали этим нанести смертельный удар анархизму. Расчеты их, однако, не сбылись: Лев Чорный убит, тысячи других анархистов и революционеров замучены и погибли в застенках че—ка, тюрьмах и ссылках. Но анархизм в России, похороненный и отпечетый большевиками, загнанный в подполье, закованный в тяжелые цепи, — все таки не удрушен, не раздавлен диктатурой "пролетариата", а жив и, пробиваясь сквозь стену правительственных заграждений, вырывается наружу, и несет истаравшемуся человечеству новую весть, новое откровение о том, как покончить с миром зла, насилия и эксплуатации, как создать на земле свободное общество бз власти, без кнута, без чрезвычайек, без виселиц и палачей.

* *

Очень немногие анархисты даже в России имели возможность прочесть книгу Л. Чорного "Ассоциационный Анархизм", изданную в 1906 году в ограниченном количестве экземпляров. Хотя эта книга является библиографической редкостью в России, об ее переиздании при жизни Л. Чорного не было речи. Но вот приходит страшная весть об убийстве Чорного и в Америке без промедления издают "Ассоциационный Анархизм", как протест против большевистского варварского злодеяния.

Эту книгу теперь читают тысячи людей, (многие из них никогда не слышали ничего ни о Чорном, ни вообще об анархистах), разбираются в этой кровью написанной книге, впитывают в себя каждую ее строчку, каждое слово, и вместе с тем думают о том, что это за такое татар-

ское "рабоче-крестьянское" правительство, которое убивает таких людей, как Лев Чорный, отдающих все свои силы, свою жизнь и гений на борьбу со злом, насилием и несправедливостью.

Думали ли "дальновидные" большевистские политики, что своим актом убийства Льва Чорного, они создадут тысячи новых анархистов, а, следовательно, вместо одного политического противника — тысячи новых борцов, которые поведут еще более напряженную борьбу против большевистской тирании.

* *

Много-ли выиграло большевистское правительство от убийства Льва Чорного?

Мы что-то не замечаем выражения ему благодарности со стороны опекаемого им пролетариата. Лев Чорный был лучшим другом трудящихся, угнетенных и поработенных масс, и все их симпатии несомненно на стороне трагически погибшего борца. Большевистское правительство ко нфузливо избегает этой неприятной темы и виновато молчит, ибо знает, что только проклятия могут быть наградой предателям, убийцам и душителям русской революции.

Может быть на костях убитых и замученных революционеров и на реках пролитой человеческой крови большевики создали коммунизм, социализм? Глубоко заблуждаетесь, дорогой читатель, если вы так думаете. Злодейка судьба сыграла злую шутку над русской революцией: коммунисты в России объявили коммунизм контр-революционным. Те самые люди, которые во имя торжества коммунизма, готовы были вырезать всю Россию, теперь рубят головы и крошат всех тех, кто посмеет заговорить о коммунизме.

Теперь видите ли в России пошли другие порядки: комиссары, разочаровавшись в коммунизме, провозгласили НЭП, или мягко выражаясь, обуржуазились и вернулись к старому разбитому, капиталистическому корыту. Россия в настоящее время представляет интересное зрелище: в имениях — "коммунах" сидят красные помещики, часто прежние собственники имений, а крестьянская беднота по прежнему батрачивается, да гнет свою спину перед панзами.

На фабрике царит красный фабрикант, которого советская власть холит, бережет, стережет и откармливает казенными субсидиями, что

бы он получше эксплуатировал и выжимал, сок из рабочего.

Деревня разорена налогами, бесконечными комиссарскими поборами. Крестьянина обобрали до ниточки; советская власть снимает с него последнюю рубашку, забирает последний кусок хлеба и доводит до хронического недоедания и людоедства...

Россия превращена в новую Голгофу, на которой распинается многострадальная страна куцой вооруженных негодяев. Весь, так называемый, большевистский опыт — не что иное, как палачество в массовом масштабе. Есть действительно отчего сойти с ума, если бы его присутствие можно было обнаружить в комиссарских головах. Не напрасно ходит слух, что Ленин режухнулся после здравого размышления о том, что он натворил своим большевистским экспериментом.

Имеется еще одно средство, которое может

отдалить неизбежное падение большевистской тирании, это — помощь иностранного капитала, концессии. Но иностранные капиталисты обожались на помощи русским царям. Своими займами они не спасли трона и утопили свои капиталы. Одалживать большевикам деньги вряд ли найдутся охотники за-границей.

Большевики приближаются к роковой развязке. Они не могут рассчитывать на помощь извне, ни на поддержку порабожденных ими и разоренных трудовых масс в России. Единственная их опора — это штыки и чрезвычайки. Еще будут жертвы, прольются ручьи человеческой крови, но большевистская тирания падет под тяжестью собственных преступлений и кровавых дел. Народ восстанет и покончит с большевистской тиранией. И только анархистская революция покончит с миром зла и угнетения, уничтожит власть и тогда наступит эра неограниченной свободы.

ОРГАНИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В АНАРХИЗМЕ.

Автономов.

Английский философ Г. Спенсер, несмотря на свои индивидуалистические оттенки в политической доктрине, обосновал и развил во второй половине XIX в. так называемую органическую теорию. Собственно говоря, органическое воззрение на общество существовало и раньше: на протяжении всей истории заметны его следы и проявления. Еще Сократ полемизировал с стоиками на эту тему. В философии Платона и Аристотеля тоже встречается уподобление общества организму. На основании подобного воззрения римский патриций Менений Агриппа увещевал и стыдил плебеев, возмущившихся поведением диктаторов и ушедших на Святую гору, что неразумно спорить и распознаться отдельным членом общего тела, причем под телом подразумевалось государство.

Догмат христианства, в своей основе, без сомнения сильно подвержен органической теории (название Христа главою Церкви, а верующих — ее членами). Наблюдалось подобное направление, позднее, и в Германских государ-

ственных науках, и в учении Гоббса... Однако разработка этой теории обстоятельным образом выпала на долю Спенсера, и, можно сказать, он первый выдвинул ее на первый план социальных наук.

Основная сущность органической теории сводится... к установлению полной аналогии между обществом и обыкновенным организмом, и суждению, на основании этой аналогии, об общественных явлениях, исходя из данных наук об организме. Само собой понятно, что, как исследование общества подобным методом, так и отождествление его с организмом, вызвали дружный отпор со стороны многих социологов. Н. Михайловский, Л. Уорд, Ф. Гиддингс и др. обстоятельно указывали на несоответствие отождествления общества с организмом, вместе с тем, недоумевали, как Спенсер мог, придерживаясь индивидуалистических воззрений в одной области, низводить личность на положение обыкновенной клеточки — в другой, внося тем самым в свою систему явное противоречие. Но в то же

время, как и следовало ожидать, система Спенсера нашла не мало сторонников и последователей во всех направлениях общественной мысли — от крайних консерваторов до крайних реформаторов. Вполне понятно оттаивание органической теории консервативными элементами: она им служит как бы ключом для оправдания иерархического состояния общества (Спенсер, конечно, не для этого обосновал свою теорию). Высшие классы общества уподобляются, например, мозгу и друг. органам, выполняющим более тонкие и сложные функции, а низшие классы приравниваются мышцам или иным органам, выполняющим самые грубые и самые простые функции. Но подобные выводы обобщения, по видимому, чужды людям радикальных воззрений, поэтому их отношение к органической теории, казалось бы, должно быть, если не вполне отрицательным, то во всяком случае — критическим. Однако наблюдается иное... Доктрина марксизма, например, только внешне отличается от органической теории (тем, что в основу своей концепции кладет исторический материализм, а не натуралистический эволюционизм); в сущности нет никакой разницы: как в том, так и в другом случае, общество — безлично.

Впрочем, для марксизма подобная постановка вопроса, тоже, до некоторой степени, последовательна и логична, так как марксизм неизбежно сохраняет иерархическое состояние общества, а главное — сохраняет, как принципиально, так и фактически, централизм.

Нельзя, однако, этого допустить относительно анархизма, где самый малейший намек на централизацию или иерархическое состояние общества отрицается безусловно. Для анархизма применение органической теории связано с неизбежной непоследовательностью и нелогичностью. И все же, несмотря на это, следует сказать, что вышеуказанная теория, так или иначе, находит доступ и оказывает заметное влияние и на анархическое мировоззрение. Как на характерное явление в этом направлении, можно указать на доклад Р. Роккера: "Сущность Федерализма в противовес Централизму", читанный им на 14-ом конгрессе немецких анархо-синдикалистов 19—23 ноября 1922 г. в гор. Эрфурте (См. "Ам. Изв." №№ 78, 78, 80, и 81). В

своем докладе Р. Роккер, подходя к обществу с чисто химической точки зрения, т. е. растворяя частичное, основное в составе общего, заключительного, между прочим, говорит:

"Федералистическая форма организации похожа на человеческий организм. Человеческое тело является, так сказать, союзом отдельных членов, каждый из них выполняет свою самостоятельную функцию. Гармоническая, совместная работа сердца, печени, мозговых клеток, нервов и др. органов является необходимой предпосылкой жизни и преуспеяния организма в целом. Все члены, хотя выполняют свои особые работы, но не идут в разброд. Всюду мы наблюдаем совершенную самостоятельность в выполнении отдельных функций и в то же время естественную связь всех органов в пределах целого. Желудок не спорит с печенью, сердце с легкими и если иногда такие случаи встречаются, то объясняются болезнью, которая должна быть поскорее осилена, иначе раньше или позже безусловно приведет к умиранию организма. Каждый член существует для себя, но в то же время еще больше для общего, откуда он черпает свои жизненные силы. Поэтому его функции определяются не только его индивидуальным существованием, но соразмеряются с существованием целого."

В этой цитате определенно отразился весь смысл органической теории. Р. Роккер отождествляет общество с организмом в такой же мере, как и любой консервативный мыслитель; разница только в том, что результатом отождествления у Роккера является федералистическая формула общества, а результатом консервативного мыслителя — иерархический строй. Кто из них ближе к истине — трудно ответить. Можно лишь сказать, что, следуя подобному методу, не трудно уподобить общество любому собирательному предмету, даже повозке. Можно, например утверждать, что каждое колесо, каждая спица вполне самостоятельны в выполнении своих функций, но в то же время находятся в непосредственной связи с целым (федералистическая теория); также можно утверждать, что дышло руководит остальными частями, так как его функция — направлять и регулировать ход повозки (иерархическая теория). Удивительно поче-

му это до сих пор не отождествляют личности с... оглоблей!

Главной причиной, побуждающей Р. Роккера к отождествлению общества с организмом, без сомнения, следует признать, связность, т. е. элементы, подводящие составные части под понятие целого. Связные элементы для Роккера имеют такое же значение, как для Дарвина имел естественный отбор, а для Ньютона закон притяжения или сохранность энергии для Роберта Майера. И для того, чтобы значение связи не умалялось, чтобы ее ценность не истощалась Р. Роккер, естественно, нуждается в подтверждении, с каковой целью он и обращается к организму, где находит связь в полном оборудовании, и целиком переносит ее на общество. К сожалению, Р. Роккер совершенно обходит молчанием то обстоятельство, что связь организма — связь физическая; а это является непреодолимым препятствием применения связи в таком виде к обществу.

Представлять общество в виде сросшегося "одноуплутго" великана, можно лишь в шутку, но никак не в серьез. Если в обществе и существуют связанные факторы, то они коренным образом отличаются от связанных факторов организма. В то время, когда связь организма — физическая, связь общества — психическая.

Отсюда вытекает громадная разница, не видеть которую можно лишь умышленно закрывая глаза. Как результат этой разницы является то, что смерть одного из членов биологического организма (напр., сердца, легких и друг.) неизбежно влечет смерть и остальных частей (о чем говорит и Роккер, хотя с иной точки зрения): со смертью же одного или даже нескольких членов общества, хотя бы таких, как короли и президенты, остальные члены продолжают существовать. Объясняются эти два следствия одного и того же явления тем, что организм, обуславливаясь физической связью, представляет из себя одно конкретное целое; общество же, обуславливаясь связью психической, является раздельным (дискретным, как его называют в таких случаях) целым. На основании этого ясно, что связь не играет той громадной роли для составной части общества, какую она играет для составной части организма. Составная часть об-

щества во многих отношениях является независимой, сознательно участвующей во взаимоотношении с себе подобными, следствием чего и является то, что обыкновенно называется связью; составная же часть организма во всех отношениях остается зависимой, безвольной и окончательно подверженной связи; она не может противостать последней, обещать и оценивать ее значение; связь — худа ли хороша ли — для нея является роковой, безусловной, а не относительной, как для составной части общества. Правда, Р. Роккер указывает на совершенную самостоятельность отдельных членов организма в процессе выполнения своих функций, с чем, конечно, нельзя не согласиться, но в то же время нельзя не отметить, что подобная самостоятельность — самостоятельность специфическая, лишняя всякого значения. Раб, например, выполняющий известную работу под ударами кнута, тоже производит соответствующие движения тела самостоятельно, т. е. личными усилиями, а не посторонней силой, например, электрическим током; поэтому, исходя из подобного понятия о самостоятельности, раба без большого риска можно приписывать самостоятельность в процессе выполнения функций.

Однако можно ли назвать раба самостоятельным вообще?.. Повидимому, самостоятельность должна определяться не самостоятельностью в процессе выполнения функций, а самостоятельностью в момент побуждения к выполнению. Этим же самостоятельным побуждением, даже в его элементарнейшей форме, т. е. без участия интеллектуальных факторов, далеко не все члены организма обладают: многие из них выполняют свои функции (самостоятельно, конечно), не потому чтобы они этого желали, а потому, что должны выполнять, потому что побуждены к этому извне, подобно тому, как раб, побужденный ударом кнута, должен самостоятельно двигать рукой, выполняя известную работу. И подобно тому, как раб обретает истинную самостоятельность лишь тогда, когда он на действие кнута реагирует отрицательно, т. е. когда в нем зарождаются и действуют элементы протеста, точно также и члены организма могли бы быть самостоятельными только в том случае, если бы они располагали возможностью спорить. А ведь

спорить члены организма, по заявлению Роккера, не могут; следовательно не могут быть и самостоятельными.

Разумеется было бы крайней односторонностью видеть возможность самостоятельности в одной лишь способности спорить и отталкиваться, — самостоятельность также возможна и в совместном гармоническом действии, в общении с себе подобными. Но в последнем случае необходимо, чтобы совместное действие вытекало из сознательности в нем участвующих, чтобы оно обуславливалось их согласованностью и продуманностью, что бы в основе общительного действия лежала не роковая неизбежность, а сознательная солидарность. Ни одной из вышеназванных особенностей в совместном действии членов организма нет и быть не может.

Действие членов организма, подобно действию часового механизма, происходит не в силу согласованности и солидарности, а в силу непосредственной связи. Члены организма, как и колесики часового механизма, не могут, прежде приступления к действию, обсуждать — каждый в отдельности или совместно — значение и смысл действия, не могут начертать его план и предвидеть результаты, равно как не могут ставить себе цели в этом действии.

Действие членов организма беспечно, безвольно, бессознательно и слепо. Это самое обыкновенное выполнение служебных, рабских обязанностей, — выполнение в процессе которого, выполняющий не отдает себе никакого отчета.

Трудно представить, что было бы, если бы составная часть общества — личность, поступала точно так же, т. е. не ставила цели в своих действиях и не сознавала для чего и почему она действует. Это было бы нечто хуже стада баранов, ибо последние не лишены все-таки самостоятельного, если и не вполне сознательного, импульса к действию.

Таким образом, связь органическая и связь сознательная и все вытекающие отсюда следствия находятся на противоположных полюсах и не имеют между собой ничего общего. Если в конечном анализе они и имеют один и тот же исходный пункт, то в своем развитии связь социальная оставила далеко позади себя связь органическую. В силу этого развития, между свя-

зью органической и социальной образовалась дистанция огромного размера: прежде всего в этом промежутке находится связь зоологическая (общества животных) и, наконец, длинный период, когда на арену выступила связь психическая, сначала в примитивном грубо-утилитарном виде, а потом в виде более совершенном, гуманитарном.

Точно так же наблюдается огромная разница и в самой структуре организма и общества. Раньше всего бросается в глаза то обстоятельство, что организм состоит из определенного числа членов, расположенных определенным образом, выполняющих определенные функции и т. д. В обществе же такой определенности нет: общество может состоять из разного числа членов (напр., из 10-ти человек и из 10-ти миллионов человек), члены могут занимать разные места и выполнять разные функции. Здесь анархистам необходимо обратить особое внимание. Анархистами всегда признавалась вредность и пагубность разделения труда. Даже такие общинники (коммунисты), как Кропоткин и Л. Толстой, указывали на это. Даже в настоящем капиталистическом строе разделение труда, по мнению Кропоткина, имеет не мало отрицательных сторон, особенно относительно рабочих. Человек, например, специализировавшийся в какой нибудь одной отрасли, находится в полной власти не только капитала вообще, т. е. класса капиталистов, но во власти своего хозяина в частности. И в случае кризиса или значительного предложения услуг в данной отрасли, рабочий-специалист всегда больше терпит больше того рабочего, чья жизнь не покоится на одной какой-нибудь специальности. Кроме этой отрицательной стороны разделения труда, относящейся исключительно к рабочим, Кропоткин так же указывает и на другие отрицательные стороны, тоже имеющие место в настоящем капиталистическом обществе. Он, например, обращает внимание на то, что вследствие разделения труда, общество разделяется на людей только работающих, но не думающих, и на людей только думающих, но не работающих.

Как отрицательный результат, отсюда вытекает то, что люди только работающие, но не думающие, плохо работают, так как не знают всей сущности выполняемой ими работы. Напр.,

человек, все время подливающий масло в машину, часто не знает ни состава масла, ни того значения, какое оно имеет для машины. Люди же все время только думающие, но не работающие, плохо думают, так как не знакомы практически с тем, над чем думают. Писатель, напр., не может нарисовать полностью быта и духа той среды, которой он лично не переживал, а инженер, изобретающий машину, часто не замечает тех опасностей или неудобств, которым будет подвержен человек, на ней работающий.

Исходя из этого Кропоткин напоминал буржуазным экономистам, сторонникам разделения труда, как фактора прогресса, что прогресс, вытекающий из разделения труда, — прогресс относительный, поверхностный, и что при ином положении труда результаты прогресса были бы значительно выше.

Толстой не отрицал принципа разделения труда, как необходимости, вытекающей из свободных взаимоотношений (впрочем, этого никто не отрицает), но сильно противился злоупотреблению этим принципом. Толстой указывал, что на основании разделения труда, многие "специалисты" продолжают "производить" то, что совершенно не нужно и даже вредно обществу, и за свою "работу" требуют" чтобы их кормили, поили и одевали, да еще хорошо и сыто. К этой категории Толстой относил всякого рода чиновников, государствоведов, празднословов, спортсменов, отчасти, писателей, еще ничего не написавших, но уже уничтоживших не мало материальных благ, а также тех ученых, которые изучают психологию клопа, но не умеют растопить печи.

Взгляд Толстого на разделение труда можно формулировать следующими словами: если ты знаком с известным делом и если к тебе по этому делу обращаются — помоги, услуги; но если твоих услуг никто не требует — не навязывайся, тем паче, не думай, в последнем случае, что твой никем не требуемая работа дает тебе полное право на уничтожение, т. е. пользование продуктами других рук. А между тем, сколько в наше время изготовленных рабочими предметов уничтожаются, и уничтожаются с гордым сознанием права на то, теми людьми, вся деятельность которых заключается в писании картин

для парижских салонов или в сочинении од известным лицам; или же людьми, ведущими в своих кабинетах бесконечные споры о бессемянном зачатии богородицы или, утомительно препирающихся о том, ходит ли мистер Смит вокруг белки, сидящей на ели и всегда оборачивающейся грудью к Смигу, с какой бы стороны он ни зашел... Вот против такого самозванного разделения труда Толстой был непримирим.

Аналогичные взгляды на разделение труда, т. е. отрицательные, можно встретить и у других анархистов — Ж. Грера, Прудона и др. Да и не одни только анархисты порицали разделение труда: всякий более менее здравомыслящий человек поступал также. Нельзя по этому поводу не приветствовать некоторых мыслей Ж. Ж. Руссо, комментируемых С. П. Гессеном. "Человек ограничивает свою деятельность каким нибудь одним занятием, становится профессионалом. Таким образом он попадает в зависимость других лиц: земледелец попадает в зависимость от кузнеца, кузнец — от земледельца. И чем дальше идет разделение труда с присущей ему специализацией, тем сильнее становятся взаимные узы, ограничивающие людей: из свободного, самодовлеющего существа человек все больше становится частицей социального механизма, в котором все частицы нуждаются друг в друге и ограничивают друг друга. Так рождается неравенство между людьми, ибо, желая облегчить удовлетворение своих потребностей (что возможно лишь когда на одного работают другие), каждый стремится захватить себе возможно больше благ, в которых эти другие нуждаются". (С. П. Гессен "Основы Педагогики" стр. 41).

Таким образом источником неравенства Руссо считает разделение труда. До тех пор пока человек самостоятельно удовлетворял свои потребности; пока он сочетал в себе земледельца, охотника, рыболова и скотовода; пока он был художник, певец и находился в непосредственном общении с богом-вдохновенцем; пока он радовался восходящему солнцу и восхищался его розовым закатом; пока он любил жизнь, и любил трудиться умственно и физически, — он жил полной, здоровой и счастливой жизнью. И свобода и равенство царили тогда среди людей... Но как только человек начал отдавать предпочтение

одному роду занятий и пренебрегать другим; как только он начал специализироваться в одном направлении в ущерб другим, — он почувствовал взаимную зависимость и в нем появился хищнический инстинкт — ставить других в наибольшую зависимость от себя. На этом основании, по мнению Руссо, появилась частная собственность, порабощение труда и вообще всякие несправедливости.

Возникновение культуры Руссо тоже приписывает разделению труда, и поэтому не особенно благоговеет перед ней. Возникшая и обосновавшаяся на несправедливых началах современная культура, по мнению Руссо, тоже несправедлива; она должна уступить место настоящей, истинной, "природной" культуре (то же самое находим и у Толстого). Можно не разделять всех "строгостей" Руссо относительно культуры, также можно смягчить вину относительно разделения труда, но нельзя не согласиться, что современная, механическая, безжалостная культура, действительно, во многих отношениях, превратила человека из цельного всестороннего существа в частичную дробь. Человек, специализировавшийся на какой-нибудь части, уже не есть полный человек, а часть, каких-нибудь семь девяносто шестых или 3 семьдесят девярых человека. Против этого превращения человека в дробь и восставал главным образом Руссо; его задачей было: создать человека. "Человек будь человеком, это твоя первая обязанность" — восклицал Руссо. А быть человеком, значит, быть свободным, целостным существом и на других смотреть, как на самодовлеющих, достоинственных единиц, а не как на частей, подлежащих использованию. Таким образом, Руссо, анализируя разделение труда с естественной точки зрения, приближается к тем же выводам, к каким Кропоткин приходит с социально-экономической точки зрения, а Толстой — с морально-правовой: к выводам отрицательным. Суждение об отрицательных сторонах разделения труда можно было бы продолжать и с других точек зрения: напр., можно было бы указать, что разделение труда вредно отражается на физическом состоянии человека и т. д.; но мы и без этого долго, сравнительно с нашей задачей, остановились на этой стороне вопроса и тем самым значительно отклонились от нашей

темы; и поэтому нет надобности углублять больше это отклонение.

Итак, весь блеск и слава разделения труда, столь шумно воспеваемые буржуазными экономистами, в конечном анализе вполне меркнут под отрицательными сторонами этого принципа. Прежде всего человек становится односторонним и "угловатым" в своих способностях, превращается в жалкого рутинера, только и знающего, подобно марионетке, автоматически производить известные движения, без всяких отступов выводов и заключений. Духовная сторона, если он работает физически, бездействует, затянущившись плесенью, если же он работает умственно, у него появляется полное отвращение и неспособность к физическому труду. Отсюда, если не начало, то по крайней мере разлитие зависти, злобы и презрения, и заглушение голоса совести, на что правильно указывали и Толстой и Руссо. Не говоря уже о "белой" и "черной" кости, не говоря уже о тех лицах, которые благодаря специализации становятся конкурентами, но достаточно обратить внимание на обыкновенного "угловатого" человека, чтобы убедиться, что на жизнь и все ее проблемы он смотрит исключительно с точки зрения своей специальности. Ему наплевать на все, лишь бы здравствовала его специальность. Что муки, страдания и даже жизнь других людей, если этим приносятся польза его специальности!.. Но находясь на таком узком и остром фундаменте жизни, он тем не менее, чувствует сдавленность со всех сторон; он видит вокруг себя широкое пространство, в котором люди, более свободные или более счастливые, орлами взвиваются вверх; он завидует им, но не может двинуться с своей точки — специальности; и поэтому у него злоба к окружающему, с одной стороны, и чувство своего бессилия и зависти от окружающего — с другой. Да и можно ли начертать все пагубные последствия, которые несет в себе разделение труда?!. Их так много, что для этого потребовались бы целые томы. А между тем организм, с которым пытаются отождествить общество, является наглядным образчиком разделения труда, притом разделения в полном и окончательном смысле этого слова. Дифференциация отправных функций в организме доведена до такой крайности,

что каждый член всегда выполняет одну определенную функцию, все время занят одной и той же работой, неизменно стоит на одном и том же посту, и сменить его ни один из остальных членов не может, равно как он никого не может заменить.

Сердце, например, никоим образом не может заменить печень, а глаз — уха; каждый из них — специалист в своем узком значении этого слова, единственный, никем не заменяемый в сфере своих функций, но зато бесполезный и неимеющий никакого значения за пределами этих функций. Словом, среди членов организма нет ничего одновременно и одинаково всем присущего (конечно, не в смысле сущности, а в смысле проявлений), каждый член обладает исключительной специфической особенностью, относящейся единственно к нему, чуждой и непонятной другим.

И вот, отождествляя общество с организмом, — естественно — следует признать эту доведенную до крайней односторонности дифференциацию отправных функций положительным фактором, что, впрочем, и допускают многие сторонники органического направления, например, Дюркгейм, Изуле, Вормс и др.

Санкционирует ли Р. Роккер эту крайность, — пока неизвестно, по крайней мере из его доклада, который мы в данном случае имеем в виду *); но, сохраняя известную последовательность, санкционировать необходимо; необходимо в силу логики признать разделение труда безусловным и обязательным для общества, притом, разделение в таком виде, в каком оно находится в организме, т. е., чтобы каждый член общества был доведен до крайней односторонности и обладал единственной способностью, единственной не в смысле техническом, а в смысле естественном.

Это ведь и есть конечный идеал органической теории и заключительная цель эволюционной формулы (формулы Спенсера), гласящей, что высшее состояние общества достигается наиболь-

шей интеграцией целого при наибольшей дифференциации частей. Но, конечно, одно дело логическая необходимость признать какое нибудь явление и совсем иное дело — фактическая потребность в этом явлении. И поэтому из того, что сторонникам органической теории, в силу цельности и стройности своей теории, необходимо допускать разделение труда в качестве положительного фактора, еще очень далеко до действительной обязательности и целесообразности разделения труда для общества. В действительном смысле разделение труда не только не обязательно, но совершенно недопустимо, ибо в основе расходится с заданиями общества и коренным образом противоречит тому идеалу, к которому общество, хотя и медленно, но все же стремится: идеалу свободы.

Свобода и разделение труда — несовместимы: свобода заключается в возможно большей самостоятельности каждого и всех; принцип разделения труда, наоборот, в возможно большей зависимости каждого и всех. И если бы разделение труда в таком виде, в каком оно находится в организме, возымело место в обществе, общество неизбежно очутилось бы в форме рабства, доселе еще неведанной. Все формы рабства, какие только известны истории, имеют облик, так сказать, механический, т. е. рабство покоится главным образом на силе — конкретно-физической, или абстрактно-юридической, что не лишает возможности бороться против него; эта же форма, т. е. форма вытекающая из дифференциации отправных функций, была бы естественной, роковой, вследствие чего исключалась бы всякая возможность борьбы, так как бороться против такой формы рабства, значит, бороться против существования вообще. К счастью, нет ни малейшего основания предполагать, чтобы общество когда нибудь дошло до такого плачевного состояния, и поэтому опасений на этот счет быть не может. Предохранителем в этом случае является наличие в обществе явлений, одновременно присущих всем и каждому, на основании чего и является возможной идея равенства.

Сознание, например, как одно из таких явлений, не может быть монополизировано одной частью общества; — оно разито по всему агрегату и не имеет тенденции "сгущаться" в

*) Когда статья была написана, вопреки ожиданию, появилось дальнейшее изложение доклада Роккера, где Роккер, вслед за Кропоткиным, отрицает разделение труда и тем самым неизбежно отклоняется от последовательности.

одном месте и "высыхать" — в другом. Каждая личность одинаково, если не в смысле относителном, то в смысле абсолютном, обладает сознанием и всеми вытекающими отсюда последствиями. Даже если допустить возможность дифференциации в смысле техническом, все же немыслима дифференциация в смысле духовном, понимая последнее слово в самом широком смысле.

Но, конечно, техническая дифференциация

тоже не сбывается; уже теперь многие женщины выходят из своего загона-кухни и врываются в те области, которые раньше считались исключительным достоянием мужчин; уже теперь многие могут не только делать сапоги и играть на скринке, но писать книги и садить капусту...

Словом, каждая составная часть общества — личность развивается не только в глубину, но и в ширь, делается все более и более разносторонней, полной и ценной.

АНАРХИСТЫ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС.

Н. Стойнов.

При разрешении социального вопроса отношения анархистов к крестьянам, еще с первых времен старого Интернационала, — когда вскоре после этого Реклю написал свою брошюру "A mon frere le paysan", Малатеста — "Entre paysans", русские революционеры — "Как мужики остались без начальства", Кропоткин — свои "Поля, фабрики и мастерские", — отношения эти остались теми же, концепции по аграрному вопросу и тактике, в общих чертах, — те же. Социальный вопрос, поднятый рабочими в индустриальных центрах капиталистической Европы — городах, будет разрешен рабочими в братском единомыслии революционном сотрудничестве с крестьянством, одинаково восставшим как против государства, эксплуатирующего его непосильными для него денежными, натуральными и кровными налогами, угнетающего и держащего его в подчинении и невежестве, так и против крупных землевладельческих хозяйств, которые отнимают землю у крестьянина и превращают его в своего раба, наемника, или арендатора — "исполнителя". *) Без участия крестьянина Социальная Революция осуждена на неуспех. Городские рабочие и крестьяне должны подать себе руки в дружной борьбе против Государства и Капитала. Социалистическая пропаганда должна вестись одинаково и в городе и в деревне.

Но благодаря влиянию множества причин

эта социалистическая пропаганда велась более энергично и настойчиво в городе, слабее или почти никак — в селе, как анархистами, так и социал-демократами. Для краткости укажу на одну из этих причин, которая, с просветлением умов, уже отстранена и преодолевает другие, вследствие чего пропаганда в селе снова поднимается во всех странах.

Кажется, что и Черкезов говорил в "Pages d'histoire Socialiste" о том, что и часть анархистов была известное время под влиянием концепций "Коммунистического Манифеста" Маркса-Энгельса — "Закона" о концентрации капитала и земли. В тезисах этого манифеста крестьянство противопоставляется пролетариату так же, как его мелкое хозяйство противопоставляется крупной капиталистической промышленности. Одно является прогрессивно-историческим течением, другое — консервативно-реакционным. Крестьянство погибнет и должно погибнуть в борьбе своей против буржуазии, иначе "колесо истории повернет назад". Со своим "антиколлективистическим черепом", — как мода была говорить в Германии, — крестьянин-реакционер погибнет как собственник, чтобы не играть никакой исторической роли в перевороте, которому предостановлено совершиться по инициативе и физической силой пролетариата. Так крестьянство непрерывно будет уменьшаться численно, что бы увеличить, численно же, пролетариат, долженствующий стать сильным самостоятельным классом, который сам совершит социальный переворот.

Деревня переходит в полное и неотъемлемое

*) Арендатор, который в виде арендной платы отдает половину урожая владельцу земли.

мое подчинение городу—всесильному хозяину. Да же спустя десятки лет после манифеста, Энгельс в 1895 году так же самонадеянно говорил: "Развитие капиталистической формы производства подрезает жизненный нерв мелкого земледельческого хозяйства, приходящего в упадок без всякой надежды на спасение". По тому же шаблону лидер социал-демократической партии в Болгарии, — ныне "коммунистической", — Благоев писал в "Ново Време", что через 20—25 лет (а прошло уже 30 лет), болгарский крестьянин так же исчезнет, чтобы пополнить город в качестве пролетария. Социальный вопрос стал исключительно **пролетарским**, социальная революция **пролетарской**; не пролетарско-крестьянское государство, — как теперь, — а пролетарское государство; не пролетарско-крестьянская диктатура, — как теперь, — а пролетарская диктатура; не рабоче-крестьянские правительства, — как теперь, — а рабочие правительства.

По логике такой концепции социалисту-пропагандисту нечего делать в деревне. "Закон о концентрации капитала" сам работает за партию.

У нас, в Болгарии, марксистская догма о неминуемом исчезновении крестьянина-реакционера настолько было охватила интеллигенцию социал-демократической партии, — "тесных" социалистов, теперь "коммунистов", — что их партийные члены-учителя, в затаенной вражде своей против крестьянина, дошли до того, что стали бойкотировать его, даже, как человека, а в училище его саботировали в занятиях с маленькими детьми.

Жизнь не замедлила опровергнуть эти концепции, которые слишком поспешно были построены согласно строго-научной (!) теории. Но она не мало напакостила и нам, анархистам.

Види, наконец, исчезновение крестьянства даже в самых индустриальных странах (впоследствии Каутский придет и скажет, что мелкое земледельческое производство укрепляется даже в интересах капитала), Энгельс констатирует факт: "От Ирландии до Сицилии, от Андалузии до России и Болгарии крестьянство является весьма существенным фактором, как по отношению ко всему населению, так и по отношению к про-

изводству и политической силе". Численность и политическая сила крестьянина, которого Энгельс так констатирует на протяжении всего континента в конце прошлого столетия, является еще и теперь настолько великой и значительной, что пролетарская революция неминуемо должна будет считаться с этой силой.

Не жив Энгельс, чтобы видеть, что Россия, еще с 80 % земледельческим населением перестроилась при помощи "большевиков" в рабоче-крестьянское государство, которое Ленин, в противопоставлении себя Зиновьеву во время конгрессных споров, назвал фiktивно рабочим, реальнее — **крестьянским**. Оттуда и исходят призывы: управляйте, действуйте; отступайте, но создавайте наново положение: "**крестьянско-рабочие правительства**". Потому то и в Болгарии Благоев и все другие видели не исчезновение крестьянина, как гласило смелое пророчество, но усиление его политической силы и, — вот уж в течение трех лет,—крестьянскую диктатуру с чисто **земледельческим правительством**, которое и не думает пасть *) и скоро произведет выборы, **) чтобы усилить и еще больше утвердить свою власть, которую коммунистическая партия и буржуазия будут оспаривать у него.

Социал-демократические и коммунистические партии не считаются, уж с "антиколлективистическим черепом" крестьянина и вторгаются в деревню для вербовки сторонников рабоче-крестьянских правительств, чтобы завтра же наложить на рабочих и крестьян парламентарскую, или деспотическо-сатрапскую диктатуру. Пора уж и нам, анархистам, также притти на помощь, — как в некоторых случаях прежде, — этому одурачиваемому крестьянству, чтобы, наконец, прояснилось сознание его и, чтобы оно, оторвавшись, наконец, от всякой идеи о той или иной диктатуре, начало бы работу по самоорганизации и самоустройству в свои собственные общины, по истории и традиции, называемые **коммунами** (славянская **община**, коммуна), в которых, где больше, где меньше, в разных странах

*) Землед. правит., как известно, уже пало, хотя, и "не думало" об этом. Примеч. переводчика.

**) Выборы уже произведены.

Примеч. редакции "Св. Об-во".

ируются, как экономически, так и политически, залежи для успешной анархо-коммунистической пропаганды и строительства.

Наша, анархистов всех стран вообще, пропаганда в деревне велась слабо, или вовсе не велась. Это с сожалением констатируется на предшествующем конгрессе, где французские товарищи в утешу себе говорили: "к несчастью анархическая пропаганда между крестьянами во Франции очень слаба, или почти не существует". В течение более чем 15 лет, в продолжение которых я был прежде абонентом "Les Temps Nouveaux" и "Libertaire", я ни разу не читал в последнем, и только 3—4 раза в первом, оповещения об отдельных случайных посещениях какой-нибудь французской деревни случайным анархическим пропагандистом, хотя такие люди всегда хорошо принимались и с любопытством выслушивались со стороны населения.

То, что говорили французские товарищи о себе, вероятно, было на устах у всех почти других делегатов от разных стран. Это доказываются косвенным образом тем фактом, что никакая страна не оказалась готовой третировать аграрный вопрос и изучение его было отложено. Есть основание сомневаться в том, что мы и теперь являемся особенно подготовленными, что относится и к нам болгарам, так как и мы имеем еще сравнительно слабую работу в деревне. Предварительные понятия относительно методов и тактики какой-нибудь пропаганды нуждаются всегда в подтверждении и исправлении со стороны самой практики, которая для нас пока еще — ничтожна. Как говорилось и на последнем конгрессе, "аграрный вопрос имеет капитальное значение; русский опыт доказал, что социальная революция не может жить и развиваться без помощи крестьян", что пропаганда между крестьянским населением должна стать одной из первых и неотложных задач.

Между тем, никогда еще не имелось лучшей почвы для такой пропаганды, сколько сейчас. Мы, веря в горькие уроки истории для народов, а также в положительные результаты пропаганды "par le fait", не можем не заметить, как после мировой войны и русской народной революции, идея переустройства общества на коммунистических основах вообще широко распро-

странена и популяризирована в общем своем смысле — как в городе, так и в деревне. В Болгарии, напр., нет деревни, которая бы не слышала ничего о коммунизме вообще, и начиная уже с тех из них, которые слышали кое-что, — хорошее, или плохое, — и об анархистах. Любопытство знать что-нибудь большее о коммунизме и анархизме раздражено. Интерес к знанию поднят. Имеются большие деревни, где коммунистическая партия, как более популярная теперь, насчитывает по 100—200 членов.

Каким бы ни был коммунизм марксистов, как бы там его ни понимали, или не понимали, крестьяне, но факт, что идея коммунизма вообще стала популярной в деревне, не лишен значения.

Вслед за успехами коммунистов подвигаются и наши, которые развиваются отчасти за счет государственного коммунизма, чувствующего себя напоследок довольно таки смущенным фактом анархического прогресса и прибегаящего к низким средствам борьбы с ним, в которые естественно входят: клевета, ложь, провокация. По всей стране мы насчитываем по деревням множество групп, причем число их ежедневно растет. На последнем конгрессе в Ямбале большая часть делегатов представляла, именно, сельские группы. В Болгарии, для успешности социальной революции с тенденцией к анархическому коммунизму, можно будет много рассчитывать на деревню. 16 лет тому назад, вначале земледельческого движения, я, оставившее некоторое время свободным от учительствования, принял участие в нем и имел случай лично убедиться, как хорошо воспринимаются наши идеи, когда мы берем на себя труд изложить их в удобопонятной форме. Настойчиво призванные крестьянами войти в их движение и посланные от них на конгресс земледельческого союза, я и покойный товарищ Вербан Калифарский, были включены, как анархисты, с большой стратегией со стороны теперешнего болгарского премьера Стамболийского и его товарища — министра Тудлекова. Мы не имели тогда средств, чтобы печатать издавать крестьянскую газету.

Деревня вообще, в Болгарии в особенности, представляется обществом, более доступным для идей анархического коммунизма, чем для

идей государственного коммунизма. Город, — на котором государство непосредственно управляет свою дисциплину подчинения, и в котором синедрионы государственного коллективизма и коммунизма марксистских партий, также, в том же духе, обрабатывают умы людей вообще и рабочих в частности, — гораздо легче поддается влиянию драконовского централизма, простирающего эзис бюрократические лапы до самых крайних пределов, где частная и общинная инициатива не может уж дышать и, тем более, не может проявиться в мысли, делах и настроениях. Сельская община, в этом сомневаться не приходится, всегда стремится к самоуправлению. Засевший в ней административный аппарат является развитым органом государства, совсем не исходящим из развитых нужд общинности, как автономное целое. Он может быть уничтожен без всякого ущерба для общины, могущей от этого только отдохнуть морально и материально, дабы прогрессировать во всех направлениях. Сельская община, взятая, вообще, во всех странах, имеет в себе, гораздо больше городской, завещанных прошлым и более сохранных коммунистических залежей. Болгарская сельская община, например, владеет и использует общно общинские пастбища для скота; последний выгоняется и пасется на общих сельских лугах общим пастухом общины; обществом владеют, охраняют, вырубают и коллективно используют общинские рощи; Обществом ограждается и охраняется территория деревни; общими усилиями делаются и исправляются сельские дороги; всем сельским обществом, вместе с общеплачиваемыми мастерами, строится сельское училище; общими же усилиями носят песок, камень и деревянный материал для этой цели; таким же образом — обществом — сооружают церковь, общинный дом, общинный амбар; обществом же содержатся частные и общинские водопроводные краны, источники, колодцы, мостовые и т. п. Все это есть сельский, народный коммунизм, который традиционно завещается и поддерживается и который, при отсутствии противодействующих сил, или в борьбе с ними, может, начиная еще с сегодняшнего дня, расширяться и углубляться, чтобы прийти к тому, к чему пришли уже, например, русские духоборы, переселившиеся в числе бо-

лее 100.000 человек в Канаду. У этих земледельцев, живущих в более чем 50-ти селах, частная собственность на землю уничтожена, все: "земля, скот, сельскохозяйственные орудия, мастерские, лесопилы, мельницы и пр. является общим". Ради охранения, при этом, нужной свободы для "семейного уголка", всякое семейство живет себе в отдельном дворе и доме с садиком для более удобного личного использования; излишек плода, собираемый впоследствии, вместе с урожаем нив и общих садов, переходит в определенные для этого общинные склады и магазины с общедоставленными туда колониальными товарами, откуда всякое семейство берет себе сколько ему нужно. Используя науку, технику, паровые плуги, молотилки, работая умеренно, живя разумно, эти земледельцы достигли завидного благосостояния ("Как духоборцы разрешили земледелия въпрос", "Възраждане", 1908, кн. 6)".

Так анархический коммунизм не является утопией даже сегодня.

Мы, в Болгарии, твердо придерживаемся того, что во всех странах, где только окажется возможность, устная и письменная пропаганда в деревне должна идти параллельно с личным примером, индивидуальным, или коллективным со стороны какой-нибудь группы. Вот здесь заключается *raison d'être* анархических коммунизма — жить и работать в сельско-земледельческих коммунах. В сообщениях наших русских товарищей мы часто читаем о таких, организованных во время революции анархистами и толстовцами, коммунах, которые большевики поспешили разгромить, — доказательство, что коммуны эти оказывали пропагандистское влияние. Пусть русские товарищи расскажут нам немного больше об этих земледельческих коммунах анархистов и толстовцев. Наши товарищи в Болгарии с охотой и энергией взялись за это дело. Болгарский крестьянин, как и всякий крестьянин, меньше всего верит красивым словам, больше склонен подражать добрым и положительным делам, которые для него возможны.

Более 10-ти лет государственные агрономы — "странствующие учителя" — проповедывали ему новые культуры, интенсивное земледелие, современные орудия и — никакого успеха; но когда эти же путешествующие агрономы перестали

раз'езжать и рассказывать, а засели на месте и начали показывать на практике образцы того, о чем говорили, вместе с другими частными деятелями, собственниками образцовых хозяйств, то болгарский крестьянин теперь с усердием и успехом развивает новейшее американское виноградарничество, обрабатывает масляничные культуры, сеет люцерну, начал обслуживать нужды свои, — частно, или товариществом, — плугами, молотилками и др. Пусть теперь этот же крестьянин увидит преимущества и возможность жизни и работы в свободных сельскохозяйственных коммунах, и он не замедлит быть привлеченным к ним, как к слову, так и к делу их. Пусть, кроме того, они видят в анархистах рабочих, как они сами, и сами же сделают различие между первыми и какими-нибудь агитатором-коммунистом, являющимся обыкновенно деятелем, который проповедывает труд, а сам не трудится, защищает труд, а сам его эксплуатирует. Огромный порыв у нас к этому делу. Мы насчитываем уже несколько коммун и готовится организация новых. Недавно, десяток дней тому назад, основалась коммуна в имени недавно умершего товарища Вербана Калифарского, где проэктируется пропаганда в деревне. Коммуна возле Русе, существующая уже 3—4 года, обращает уже внимание на себя своими положительными для пропаганды результатами. Имеется надежда основать в Горной Оряховице большую коммуноу с пространством в размере тысячи декаров, что было бы, в реализовании своем, целым анархо-коммунистическим селом.

Огромное значение подобной реализации можно и теперь предсказать. В недрах Средней Горы, на жирных пастбищах, задумывается организация скотоводной коммуны для откармливания скота. Группы в районе коммун могут живо интересоваться делом их коммуны и в случае сезонной нужды прийти на помощь своим трудом. Может организоваться, как предложил один товарищ, наша "трудовая повинность" (слово "повинности" употреблено случайно и условно), т. е. свободная взаимопомощь в труде между коммунами и группами с другими специальными задачами. С течением времени эти коммуны, из коих в некоторых можно уже и сейчас устроить мастерские, более всего, для занятий зимою, мо-

гут так же федерироваться и организовываться с более широкой целью — обмена продуктами своими в натуре.

Устная, письменная и деловая пропаганда, вместе со специальной революционной таковой, могут и должны идти вместе, рука об руку. После того, как и государственный коммунизм в теории и на практике "спел свою песню", мир обращает взоры к анархистам — что говорят и, — главное — что делают. Люди желают дела. Анархисты должны быть реалистами и, проповедывая трудовое анархо-коммунистическое общество, анархисты — все рабочие — должны дать вместе с идеями своими и дела.

Таковой должна быть особенно аграрная "программа" анархической работы в деревне. Слово, письмо, литература должны исходить из одного начала — земледельческой коммуны. В связи с этим мы выводим наши мысли, высказанные русскими товарищами в проэктодекларации революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) по земельному вопросу: "Мы убеждены, что свободное решение земельного вопроса самим рабочим сельским населением неизбежно и быстро наложит его на необходимость организации сельского хозяйства на общинных (коммунистических) началах, но не путем насильственного и искусственного насаждения, а путем свободным и естественным. Сельское население убедится на деле, что поднятие земледелия и удовлетворение всех нужд сельской жизни теперь возможно только при одном условии: вся земля и весь живой и мертвый инвентарь должны принадлежать не отдельным лицам, или частным хозяйствам, а общине — коммуноу". — "Вся земля, хотя бы и изъятая из рук частных собственников, должна поступить не во владение государства и его чиновников, а во владение и распоряжение тех, которые непосредственно трудятся над ней: сельских организаций, союзов, обществ и свободных коммун".

Не иначе понимают этот вопрос и французские товарищи. Они, через докладчика по аграрному вопросу на прошлом интернациональном конгрессе, Марисуса, заявили, что являются "сторонниками того, чтобы предоставить сельским советам самим решать во всякой коммуноу о способах их существования. По принципу зем-

ля будет принадлежать тем, кто работает, обмен между сельскими и городскими рабочими будет производиться посредством кооперативных, коммунальных советов и синдикатов. По отношению же к крупным земельным собственникам: полная экспроприация, без каких бы то ни было отступок, или компромиссов, передача этих земель в руки сельскохозяйственных рабочих синдикатов, которые должны быть организованы, развиты и пропитаны духом федерализма и анархизма“.

Голландия также высказалась согласно со взглядами французских товарищей. Того же мнения и другие страны.

Тов. Роккер (Германия) заметил было вместе с тов. Мейером (Голландия), что после войны положение земледелия во всем мире изменено и, что на предстоящем конгрессе нужно выступить с новыми статистическими данными. Когда я попросил таковые о Болгарии в одном компетентном месте, то мне ответили, что новой, после войны, статистики еще нет, но, что положение в Болгарии совсем мало изменилось от того, которое было до войны. Я верю этому потому, что, — хотя у нас и голосовался в парламенте новый “Закон о поземельной собственности“, которым стремились экспроприировать за плату всю превышающую 300 декаров землю у крупных землевладельческих хозяйств, чтобы раздать эту излишнюю землю безземельным и

малоземельным крестьянам, которые сами будут ее обрабатывать, — закон, предложенный земледельческим правительством, вотируемый и предложенный только для виду, — как приманка, — остался почти мертвой буквой. Правительство само допустило, чтобы закон этот обходился тем, или иным путем, на что, впрочем, все правители всегда весьма способны. Они довольно умело это продвигают, когда личные и партийные цели им это диктуют.

На последнем нашем конгрессе в Ямболе, в январе, мы отдельные товарищи и группы в селах, ангажировались собирать статистические материалы об аграрных отношениях, финансах, налогах и др., что облегчит нашу сельскую пропаганду, покада мы придем к более законченным заключениям.

Наконец, ввиду малограмотности сельского населения во всех странах, желательно бы было, чтобы в каждой из них мы имели хотя бы одну крестьянскую анархическую газету, которая бы, на доступном для деревни языке, разносила повсюду анархическое понимание жизни и труда.

Во время революции, когда уже с первого дня городу нужен будет хлеб, а последний будет в деревне, наши идеи должны быть уж достаточно известными в ней; к этому дню мы должны быть еще от предшествовавшего периода хорошо знакомы, как друзья и товарищи крестьян.

АНТИМИЛИТАРИЗМ В РОССИИ.

Г. Максимов.

Писать или говорить об антимилитаристском движении в России вещь довольно трудная. Антимилитаристского движения в той форме, какую оно, например, имеет в Голландии, в России никогда не было. У нас не было чистых антивоенных организаций революционного характера, не было и буржуазных пацифистских организаций вроде всевозможных “Лиг мира“. Это вполне понятно. Не нужно упускать из вида, что Россия до 1917 г. была империей царей, державой военной по преимуществу. Цари управляли страной самовластно, по своему усмотрению; период же псевдопарламентаризма 1905

— 1917 г. г. в счет идти не может, ибо он фактически не изменил абсолютного характера управления многомиллионным населением. Громадная территория страны, сколоченная из земель многих мелких народностей, приведенных к покорности силою оружия, всегда находившаяся под угрозой расщепления на составные части, нуждалась в сильной армии, которая обеспечивала бы ее единство. И армия была главной заботой русских царей и правящего сословия — дворянства, которое занимало в стране привилегированное положение военных каст древних деспотий: оно вначале обязано было служить в ар-

ми поголовно; военную службу дворянин начинал с первого дня рождения, с физическим ростом он рос и в чинах. Затем эта поголовность военной службы была отменена, но дворянство продолжало оставаться единственным сословием в стране, из которого вербовались офицеры для армии. Только совсем не задолго до революции дворянская государственность открыла весьма ограниченный доступ на командные должности в армии лицам других сословий. Крестьянство же и промышленные рабочие вербовались в армию только в качестве простых солдат. Солдатчина была бичом трудовых классов. Срок военной службы был невероятно длинным, при царе Николае I солдатская служба продолжалась 25 лет... После освобождения крестьян (1861 г.) срок военной службы стал сокращаться, благодаря введению всеобщей воинской повинности. При последнем царе, Николае Кровавом, продолжительность военной службы равнялась 4—5 годам.

Государственное устройство России, следовательно, главным образом покоилось на военном аппарате, который разросся до таких размеров, что охватывал собою почти всю жизнь страны. Вот почему мы сказали выше, что Россия державна по преимуществу военная. Однако это не следует понимать в том смысле, что все население страны было проникнуто милитаристским духом. Тот, кто так будет думать, впадет в непростительную ошибку. Правда, теоретически, исходя из сущности российской государственности, из духа ее государственного аппарата, может быть и можно обобщить официальную Россию с Россией народной, но это, повторяю, несмотря на логическую правильность суждения, не верно по существу.

Нам могут сказать: "посмотрите, мол, на русскую историю, ведь она сплошь заполнена войнами; не было ни одного царствования, которое не ознаменовалось бы одной или несколькими войнами, а все эти войны в большинстве случаев носили победоносный характер, в них солдаты, т. е. народ проявил так много военного героизма и храбрости, что не может быть сомнения в его воинственности и в его военной психологии. Каждый народ достоин того правительства и той формы государства, которое он имеет, и если русский народ терпел века милитарное правительство, поддерживал и защищал воинствующее государство, то, ясно, только потому, что он сам в душе был милитаристом". Подобное, логически безупречное суждение, вероятно, вполне применимо к тому народу, который создал афоризм: "каков народ таково и правительство", но к русскому народу этот афоризм абсолютно неприменим. Неприменим именно по той причине, которая большинству западно-европейских стран известна в малой степени, а именно, что между Россией официальной и народной, — благодаря полному господству первой над второй, с истарии существует непроходимая пропасть. Народ русский жил всегда своей независимой от государства и господствующих сословий жизнью. Государство было само собой, а народ сам собой. Государство для народа всегда было каким то лишним, ненужным баластом, искусственной надстройкой, в которой народ не ощущал нужды и потребности. В тех случаях, когда государство начинало давить так сильно, что не выдерживало терпение мужика, то последний восставал целыми областями...

Дела государственные всегда были чужды народу, войны царей с соседями точно так же никогда не осмысливались с государственной или экономически-утилитарной точки зрения, которые ему были чужды и во имя которых он никогда бы не пошел на войну. И если он шел на войну и отдавал свою жизнь, то часто по мотивам высшего порядка. Последняя, империалистическая война вначале, например, пользовалась некоторым успехом только потому, что она пошла под знаменем, с одной стороны, якобы защиты несправедливо обиженной маленькой родственной Сербии, с другой, потому что народ уверовал, что это будет последняя война на земле. Но как только война затянулась и ее истинные цели обнаружались во всей неприглядной наготы, так сейчас же резко изменилось отношение народа к ней.

Я должен сказать, что в народе еще задолго до начала мировой империалистической войны, или слухи о ее близости, за которой-де следует вечный мир. Мне лично пришлось это слышать от рабочих текстильных фабрик подмосковного поселка Кунцево в 1912 г., куда я наезжал к своим родственникам, работавшим

там в качестве простых рабочих. И вот, когда война разразилась, народная религиозная мистика действительно приняла ее как последний кровавый акт человеческой истории, которому необходимо принести искупительные жертвы, ибо за ним на земле воцарится вечный мир. Это мнение было распространено не только в народе, но и среди образованных людей, которые искренне считали эту войну последней.

Во имя мира всего мира шел, следовательно, на войну русский народ. Но когда он увидел банкротство своих иллюзий, он охладел к войне. С революцией же он воодушевился новой идеей, захватившей многомиллионные солдатские массы: народы должны мириться сами, им не из за чего воевать между собою. И во имя осуществления этой грандиозной идеи он решил riskнуть своей страной и показать миру, опьяненному человеческой кровью, невиданный пример борьбы за международный мир: он воткнул штык в землю и ушел домой.

С этого момента началась для русского народа активная борьба за мир. Гражданская война, пылавшая в России 4 года, была войной за мир... Народ победил в этой войне, но побеждая он не замечал, что укреплял новую силу, которая явится новым источником войны и милитаризма — большевизм. Воюя за мир, народ завоевал себе войну — красный империализм большевиков, милитаризм которых ничем не уступает царскому милитаризму. Вместо уничтоженной армии явилась новая, мертвая в железной дисциплине. вновь введена всеобщая воинская повинность и вновь установлен самый длинный в Европе срок военной службы. вновь, как прежде, Россия является военным и милитарным государством с самой многочисленной армией. И вновь, как прежде, образовалась пропасть между Россией народной и Россией официальной, большевистской — пропасть, которая может быть зашита только трупом официальной России...

Русский народ на войну смотрит как на наказание Господне, ниспосылаемое людям за их грехи и преступления. И, несмотря на врожденное миролюбие, он фаталистически подчиняется и идет на собственное заклятие. Но помимо пассивных и фаталистических элементов в ру-

сском народе всегда имелась активная часть, которая не только не мирилась с войной, как наказанием божьим, но, наоборот, вела активную борьбу против войны и доказывала, что война негодна богу, что бог, заповедывавший — "не убий", не может, в качестве наказания, ниспосылать войну; война не от бога, говорили они, а от богатых и властных людей. Ясно, люди, выступавшие с такой проповедью, становились во враждебное отношение к государству и официальной церкви, которые их жестоко за это преследовали: первое — как преступников, вторая — как еретиков.

Антимилитаризм, следовательно, как и анархизм, берет свое начало в глубине народных масс. Около 400 лет тому назад в России уже имелись крупные народные самородки, которые мыслили и действовали по антимилитаристски. Антимилитаризм того времени, как в сознании отдельных личностей, так и в народных массах покоился исключительно на религиозной почве и конкретно проявлялся в различных религиозных сектах, социальный базис которых был анархическим. Антимилитаризм, следовательно, родился в России с появлением религиозного анархизма, в котором он составлял один из основных элементов.

Религиозный анархизм был, конечно, столь же несложен, примитивен, патриархален и прост, сколь и сам народ, его нравы, быт и хозяйственный уклад. Он прогрессировал, усложнялся и развивался параллельно развитию самого народа и его хозяйственных форм; он был настолько гибок и эластичен, что сумел пережить все жестокие удары и преследования, дожить до наших дней и получить серьезное религиозно-философское обоснование в учении Л. Н. Толстого.

Если антимилитаристские религиозно-анархические народные настроения не привели в России к широкому массовому движению подобно гуситскому или анабаптистскому в Европе, то, тем не менее, они оказали крупнейшее влияние на склад характера народа, на его психологию и миропонимание. Этот дух сказывался во всех крупных социальных движениях крестьянства раннего периода нашей истории и его влияние безусловно сказалось и в бурные 1914—1922 г.г.

Религиозный, самобытно-народный антимилитаризм

литаристический анархизм и сейчас продолжает жить в очень многих крупных и мелких сектах. История сектантского движения в России еще не написана, этому препятствовали политические условия. Но можно с уверенностью сказать, что изучение сектантского движения и его история развернут современем поразительную картину религиозного и социального творчества русского народа и тогда перед удивленным зрителем предстанет могучая духовная сила народа, его дерзания и заветные чаяния к осуществлению которых он упорно, настойчиво и беззаветно стремился. Борьба сектантов, начиная с XVI века и раньше, с государством и официальной церковью полна красоты и достойного удивления драматизма.

Еще в половине XVI века из народа вышел крупный самородок Василий Косой, который явился творцом секты, утверждавшей, что между христианами не должно быть никаких властей и никаких войн.

С этого времени и до наших дней антимилитаристское анархическое религиозное сектантство ширилось и многообразилось. Жестокое преследования заставляли сектантов удаляться из центральной России и поселяться на окраинах: на Украине, Кавказе и на Урале. В Уральских горах образовались целые деревни и волости, которые стояли на точке абсолютного антимилитаризма. Крестьяне этих деревень не подчинялись приказам правительства и отказывались от военной службы. В архивах военных судов Казанского военного округа за XIX век можно найти много таких дел. Крестьян осуждали на долгие годы тюрьмы или брали насильно в солдаты, но они оставались верны своей идее: никакие наказания, побои и издевательства в казарме не могли сломить их воли, они умирали, но не прикасались к ружью.

Из всех сект такого рода, духоборы являются наиболее крупной, в которой религиозный анархический коммунизм и антимилитаризм проявился довольно ярко. Они, на протяжении XIX века, потерпели не мало гонений и в конце концов вынуждены были покинуть Россию и поселиться в Канаде.

В борьбе с антимилитаристскими сектами царское правительство должно было уступить:

оно согласилось, чтобы сектанты отбывали воинскую повинность на нестроевых должностях.

Теперь, после революции, в связи с полным развалом официальной церкви, секты, надо думать, возрастут в числе и силе.

Но все эти религиозно-сектантские движения почти совершенно не имеют своей литературы. Литературных выразителей анархизма кроме Л. Н. Толстого и его последователей, поставивших этот вид анархизма и его абсолютный антимилитаризм в уровень с интеллектуальным развитием века, мы в России не имеем.

Толстой самый популярный человек среди крестьян России, его религиозное учение, повидимому, совпадало с религиозными богоискательскими настроениями русского крестьянства, почему и приобретало, и ныне продолжает приобретать, сторонников. Одним словом, Толстовство продолжает жить и об антимилитаристической деятельности толстовцев стоит рассказать, хотя бы немного.

До революции, во время ее и теперь, после нее, Толстовство, несомненно, пользуется некоторым успехом распространения. Толстовцы по своему ведут героическую борьбу с существующим общественным злом. Как при царском режиме, так и во время гражданской войны, они остались верными своему принципу. Основной тон их пропаганды — антимилитаризм; и они открыто проповедуют его во всякой обстановке и при всяком режиме, делая принцип антимилитаризма — абсолютным и бескомпромиссным.

При царе, во время войны, левая группа толстовцев, во главе с "братцем" Сереем Поповым, пошла в солдатские казармы и расклеивали листовки, в которых призывали солдат бросать оружие.

"Государственные изменники" были, конечно, арестованы и преданы суду, но их искренность, убежденность, неуклонная от принципа "непротравления злу злом" — тактика обезоруживала даже царский суд, который не мог поднять свою привыкшую к преступлениям руку: толстовцы были оправданы.

Этому же принципу строго последовательного антимилитаризма толстовцы остались верны и в самые острые моменты гражданской вой-

ны. В Москве, например, в самые критические моменты революции, когда полчища Деникина стояли под Тулой, Попов открыто призывал к уходу из армии и звал к прекращению братоубийственной войны.

И если перед толстовцами царское правительство нередко находилось в полном недоумении, не зная что с ними делать и как поступить, то большевистское правительство этого недоумения не знало. Толстовство и марксизм большевиков — две противоположных логики и когда они столкнулись, то марксизм, во имя государства и во имя "общественного блага", не остановился перед тем, чтобы потащить Толстовство, как все небольшевистское, в подвалы своих "Чeka". Трибуналы, как например в Симбирске, приговаривали последовательных антимилитаристов к смертной казни, а "Че—ка" приводила приговоры в исполнение или рассредивала сама без всяких приговоров. Толстовцы за время революции могут насчитать в своих рядах не мало жертв, павших от пули чекиста за верность своей идеологии. И тем не менее они продолжают жить на поверхности современной русской действительности.

Толстовское "общество истинной свободы", во главе которого стоят: Горбунов-Посадов, Чертков, Булгаков и др. имело и имеет сравнительно широкое разветвление по городам России.

Деятельность этой организации сводилась к печатной и устной пропаганде. При царизме они имели свое народное книгоиздательство и педагогический журнал. Во время революции печатная проповедь велась в журналах: "Истинная Свобода" и "Голос Толстого", ныне закрытых большевиками.

Развернув широкую деятельность в первый период революции, толстовцы, как и все небольшевистские элементы, вынуждены были во втором периоде замедлить темп своей работы, ибо лишившись книгоиздательства и печатных органов, но, удержавшись на поверхности, они могли вести устную пропаганду в своих довольно многочисленных вегетарианских столовых.

Революция, между прочим, оказала на толстовские организации разлагающее влияние. Не имея твердых организационных принципов, эти организации не ставили никаких преград для

вступления в их ряды, в результате такой легкости вступления в члены толстовских братств, последние в 1918 г. быстро разбухли, ибо в эти братства многие вступали не по идейным соображениям, а по побуждениям корыстного свойства, главным образом в надежде избавиться от мобилизации на фронт гражданской войны. Это обстоятельство обусловило засорение и разложение последовательного толстовства, а так же навлекало подозрение большевистской власти, которая, по этой причине, стала очень мало считаться с толстовцами, заподозривая в каждом идейного симулянта.

Религиозный анархизм в целом, со всеми его оттенками, не представляет собою и не будет представлять ту силу, которая в настоящее время определяет характер народных движений. Мне кажется, что он никогда не станет социально-политическим фактором революционного движения, с которым пришлось бы сильно считаться. Поэтому, — не смотря на то, что этот вид анархизма косвенно оказывает известное влияние на характер и психику, мы не придаем ему значение активного социального фактора.

Антимилитаризм религиозных сект и толстовства — абсолютен; это, собственно говоря, не антимилитаризм, а нацифизм. Истинный же революционный антимилитаризм нашел себе приют в социализме, а главным образом в анархизме. Программы и революционная практика этих учений во время революции довольно ярко выявила антимилитаристский принцип и сделала его активным и могучим фактором революционного движения масс... Ни революционно-социалистические партии, ни анархизм, который органически связан с антимилитаризмом, не были только антимилитаристскими; нет, принцип антимилитаризма был для них лишь одною из составных частей их организма. Не ставя себе антимилитаризм, как единственную цель, они, тем не менее, в специфических условиях России 1917—1918 годов, выявили этот принцип довольно ярко и сделали его актуальным. Достаточно вспомнить, что анархисты и коммунисты-большевики, которые ныне являются отчаянными красными империалистами, бросили в народ антимилитаристские лозунги, которые были точной формулировкой

требований восставших масс и которые оказали решающее значение на ход русской революции.

Лозунги, — "Долой войну", "Немедленный мир, без аннексий и контрибуций, через головы правительств и капиталистов", "Уничтожение армии", "Братание на фронте" и т. д., — привели к полной дезорганизации шовинистического и "патриотического" правительства, к полной невозможности дальнейшего ведения войны, а в конце 1917 г. и в начале 1918 г. к невиданному в мировой истории событию: вооруженный народ бросил окопы и ушел домой, оставив врага в недоумии и моральном смятении. Это событие, предшествовавшее ему братание и последующая агитация мира среди врагов, безусловно, в значительной степени дезорганизовали ряды австро-германских войск и может быть в такой же мере ускорили мир и революцию в Германии, как и немецкое полупоражение на западном фронте. Антимилитаристская, антивоенная пропаганда велась в эти годы открыто и энергично. И нередко бывали случаи в больших городах, когда, подогретая патриотической ложью буржуазии, уличная толпа пыталась расправиться с проповедниками антимилитаризма; иногда при попустительстве и содействии властей, эти расправы и самосуды учинались, так, например, на улицах Москвы толпой был убит за антивоенную пропаганду, как немецкий шпион, анархист-рабочий Ложков.

Правительственная травля интернационалистов-антимилитаристов, гнусное подстрекательство и наускивание на них темной толпы, клевета, ложь и обзывание провокаторами, шпионами, агентами кайзера, Гинденбурга и Людендорфа не могли остановить энергии активной пропаганды: каждый день приносил все новые и новые революции рабочих, крестьян и солдат, требующих мира и прекращения войны и требовавших, чтобы правительство потребовало от Англии, Франции и др. союзников немедленного вступления в мирные переговоры на условиях без аннексий и контрибуций. Газеты анархистов и коммунистов изо дня в день писали антивоенные статьи и прокламации, объявляя "Войну войне" (так называлась одна моя статья в "Голосе Труда") и призывая народные массы начать мирные переговоры самим через головы правительств...

Дальнейшие события в развитии русской революции заставили нас, пылких антимилитаристов, взяться за ружье и призывать к борьбе с иностранным нашествием и с своей собственной буржуазией. И в этом, с нашей точки зрения, не было и нет противоречий, ибо в данном случае нам приходилось защищать свободу от буржуазии, которая ополчилась на нее с оружием. Революционный антимилитаризм тем и отличается от всевозможных пацифистов, что он, отрицая войны народов между собою, протекающие обычно из корыстных интересов господствующих классов, признает единственно правильной войной, священной — войну угнетенных против угнетателей.

Именно такова сущность революционного антимилитаризма, который прокламировался во всех анархических декларациях и статьях.

"Человек, говорим мы, — писал я в 1917 году, — создан не для того, чтобы разрушать и убивать, а для творчества и наслаждения, для жизни, — широкой, полной, светлой и радостной жизни, основанной на свободе и труде каждого для всех и всех для каждого. Поэтому то всегда и везде у людей ярко выражено стремление к миру, которого человечество не может добиться, так как живет в неестественной, противной его природе общественной и экономической обстановке. Мы, анархо-синдикалисты, идем на встречу этим чаяниям народов: мы за мир всего мира. Но мы знаем, что мир человечество сможет добыть лишь тогда, когда уничтожит существующий капиталистический строй и все его установления, оскорбительные и позорные для свободных людей. Одним из таких установлений является армия. Вот почему мы агитируем за уничтожение армий и обязательной воинской повинности, не только в одной какой либо стране, но во всех странах.

Мы — антимилитаристы.

Однако, полная, счастливая, и действительно свободная жизнь возможна будет только тогда, когда мы до основания разрушим существующий экономический порядок, основанный на силе и эксплуатации человека человеком; когда мы на его месте воздвигнем другой порядок, основанный на истинной свободе и на справедливости.

Такой порядок возможен лишь тогда, когда весь капитал, все орудия производства и продукты, производимые ныне наемными рабами, будут принадлежать не отдельным паразитам-белоручкам, а всем трудящимся.

Поэтому мы стоим за немедленный переход фабрик, заводов, рудников, железных дорог, земли и пр. в руки производителей; мы за обобществление средств и орудий производства; мы боремся за то, чтобы народ сам управлял собою, чтобы он сам устраивал свою жизнь.

Этого, по нашему мнению, он может добиться будучи организован **производственно**, при помощи своих комитетов (фабричных, рудничных, земельных, железно-дорожных и др.) и их объединений. Таким путем он может устроить свою жизнь на новых, справедливых началах, — на началах политического и социального братства, равенства и свободы. И только установившись на этих началах, он обеспечит себе возможность физического и духовного совершенствования⁴.

Из такого понимания и такого подхода к антимилитаризму, общего в основном для всех русских анархистов, неизбежно и логически вытекает признание социальной гражданской войны, как условия через которое можно придти к вечному миру на земле. Конечно, антимилитаристы-анархисты сторонники гражданской войны не потому, что она им нравится, и не потому, что через нее можно скорее придти к цели, а только потому, что она неизбежна, также неизбежна, как смена дня ночью, ибо господствующие классы никогда не расстанутся добровольно со своим господством и привилегиями.

На этом мы заканчиваем, ибо, как мы видели, писать об революционном антимилитаризме,

это значит писать об анархизме, излагать его историю в России за революционный период, а это не входит в нашу задачу и кроме того статья наша и без того растянулась...

В заключении мы считаем нужным сказать, что в настоящее время в России вновь торжествует милитаризм; называется он красным, но сущность его от этого названия несколько не меняется. Он так же жесток и ревнив, как и царский милитаризм; бывшие сторонники антимилитаризма, захватив власть и укрепившись в ней, стали служителями Марса и нещадно преследуют всех антимилитаристов и пацифистов: тюрьмы и места ссылки переполнены ими. Все это свидетельствует лишь о том, что государственность и антимилитаризм несовместимы, а это в свою очередь говорит о том, что истинным антимилитаристом может быть только антигосударственник, по этому признаку следует отличать фальшивых антимилитаристов от настоящих.

Хочешь быть антимилитаристом — откажись от государства.

От Ред. Коллегии. Соглашаясь со всем сказанным тов. Максимовым относительно антимилитаризма в России, мы, однако, считаем для себя неприемлемой анархо-синдикалистскую концепцию общественного устройства по производственному принципу. С своей стороны мы полагаем, что свободное анархистское общество может быть построено не на принципе производственном, а коммунальном, общинном, и таким образом, что в нем будут пользоваться одинаковыми правами и материальными благами все входящие в него личности независимо от того являются ли они производителями или нет.

ПЕРВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

А. А. Карелин.

ОСНОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА. . .

Мысль о международном объединении рабочих возникла задолго до организации Интернационала (то-есть, Международного Товарищества Рабочих). Так, например, Роберт Овен формулировал ее в своем красивом лозунге: "Про-

летарии всего света, объединяйтесь!" Еще в 1843-м году в брошюре Флоры Трисетан "Рабочий Союз" (*L'union ouvriere*) было напечатано: — "классу дворян наследовал класс буржуазии, гораздо более многочисленный и более полезный. Выступает теперь рабочий класс, еще

более полезный и более многочисленный. От него зависит организовать во всемирное единство, не делая никакого различия между рабочими разных наций. Организовавшись так, рабочий класс будет силен: он сможет тогда потребовать с уверенностью, что его выслушают, право на труд и организацию труда“.

Некоторые небольшие общества, например, “Союз Справедливости“, имевший своим девизом “все люди — братья“, “Ассоциация братских демократов“ в Англии, в которую входили эмигранты некоторых стран, а в особенности “Союз коммунистов“ с его девизом — “пролетарии всех стран соединяйтесь“ — могут считаться, хотя с некоторой натяжкой, малозаметными предтечами Интернационала, распавшегося в последние годы на три части.

Тем не менее та мысль о Международном Товариществе Рабочих, которой суждено было осуществиться, возникла среди французских и английских рабочих и именно они положили начало этому товариществу.

В 1862-м году делегаты, выбранные парижскими рабочими в 50-ти избирательных бюро, приехали на Лондонскую Всемирную Выставку и встретились на ней с английскими рабочими.

Во время “праздника Международного Полюбия“, устроенного 5-го августа членами трэд-юнионов в честь своих гостей рабочих Франции — английские рабочие прочли адрес, в котором, между прочим, находились следующие слова: “Мы думаем, что, обмениваясь нашими мыслями и нашими наблюдениями с рабочими различных национальностей, мы придем к скорейшему открытию экономических тайн общечеловеческой. Надеемся, что, обменившись в настоящее время рукопожатиями, мы увидим, что у нас, — как у людей, граждан и рабочих, — одни и те же чаяния и интересы и мы не позволим, чтобы наш братский союз был разбит лицами, считающими полезным для себя видеть нас разединенными. Надеемся, что мы найдем какое либо средство для международного сношения, надеемся, что каждый день будет образовываться новое звено дружеской цепи, которая должна объединить рабочих всех стран“.

В ответ на этот адрес, французские рабочие внесли предложение устроить рабочие комитеты

для обмена корреспонденциями “по вопросам международной промышленности“. Под этими вопросами подразумевались, без сомнения, вопросы о заработной плате, стачках и т. п. Тогда же было решено устраивать одновременные демонстрации по поводу важных международных событий.

В середине 1863-го года шесть парижских рабочих-делегатов снова прибыли в Лондон для того, чтобы присутствовать на митинге, устроенном для протеста против порабощения Польши. На втором собрании член трэд-юниона Оджер говорил сначала о всеобщем мире, а затем настаивал, чтобы рабочие устраивали международные конгрессы для того, чтобы сговориться о средствах, которыми надо вести борьбу против капитализма и помешать привозу с целью понижения заработной платы, неорганизованных рабочих из одной страны в другую.

В сентябре 1864-го года лондонские рабочие послали французским рабочим адрес, снова приглашая их на новый митинг сочувствия Польше, только что побежденной русским императорским правительством, жестоко расправлявшимся с поляками. На этот митинг приехали посланные группой рабочих три французских делегата — рабочие Лимузент, Толен и Перришон — и привезли английским рабочим адрес французских рабочих и проект организации Международного Товарищества.

Митинг состоялся в Сен Мартен Голле. На нем присутствовали англичане, французы, поляки, итальянцы и немцы. Председатель митинга Эдвард Спенсер Бизли выразил надежду, что на этом митинге сложится проецируемый союз между рабочими всех стран. После этого, немецкие рабочие спели какую то песню. Затем один из ораторов обратился к собранию со следующей речью: — “Поляки страдают, но на свете имеется более угнетенная, еще более поправная и великая нация, это — пролетариат. Пусть из этого собрания вылетит первый крик освобождения и пусть этот крик раздастся повсюду, где умирают от усталости и лишений, повсюду, где имеются ограбленные, повсюду, где прозябают в невежестве и в нищете, повсюду, где физические силы атрофированы, повсюду, где интеллектуальные способности задушены, повсюду,

где стонут, всюду, где страдают, всюду, где жаждут справедливости“.

Оджер прочел адрес английских рабочих, посланный рабочим Парижа и ему ответил французский делегат Толен. В прочтенном им ответе французских рабочих, между прочим, значилось: — “Рабочие всех стран, желающие быть свободными! Наступила ваша очередь собираться на конгрессы. Народ появляется на сцене... Нам надо объединиться для того, чтобы противопоставить неодолимый барьер пагубной системе, раздвеляющей человечество на два класса“...

Любец перевел прочитанный Толеном адрес и изложил план предложенной французами организации. Собрание, выслушав ответ — братьев-французов — приняло их программу, как основу международной организации“.

Предлагая митингу соответствующую резолюцию, член трэд-юниона Веелер заметил: — “Французы лично привезли в Лондон свой адрес с планом организации, еще раз доказав, что прогресс всегда идет из Франции, даже тогда, когда французы тяжело угнетены“.

(Во Франции царствовал тогда Наполеон III). На митинге же были избраны 21 член в комитет Международного Товарищества Рабочих. В числе их был избран и Карл Маркс. Он присутствовал на митинге молча. В письме к Ф. Энгельсу от 4-го ноября 1864-го года Маркс писал: “сам я присутствовал на страде, как немой персонаж“.

Итак, “Первый Интернационал“ — “Первое Международное Товарищество Рабочих“ — это, по словам Вибала, “дитя, рожденное в мастерских Парижа и отданное кормилице в Лондон“ — было основано одними только рабочими физического труда.

*) Гильом говорит о К. Марксе, не принимавшем никакого участия в основании Интернац., что “как кукушка, он снес свое яйцо в чужое гнездо“. Но так велика сила легенды, что даже М. А. Бакунин считал Маркса основателем Интернационала, а Веббьи писали о том, что он сказал речь на митинге в С. М. Голде и в наше время мы часто слышали, что Маркс основал Интернационал. Один из публицистов г. Е. Сталинский договорился до того, что писал: “не забудем, что идея первого Интернационала возникла на митинге про-

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА И ПЕРВЫЙ МАНИФЕСТ.

На митинге в С. М. Голде в комитет были выбраны англичане — члены трэд-юнионов — Оджер, Кремер, Веелер, Люкрафт, Вестон и др., два-три француза, живших в Англии и Любец. Италию представлял Фонтана и польский еврей майор Вольф, Германию — Маркс и Эккартс.

В первое же заседание Комитет назначил комиссию (в нее вошли Вольф, Маркс, Любец, Кремер и Вестон) и поручили ей выработать декларацию принципов и временный устав Международного Товарищества Рабочих.

К. Маркс, которому поручено было редактировать представленные членами комиссии проекты устава и предисловия к нему, написал свое предисловие к уставу, — свою декларацию, так сказать, — поместив, — хотя и неохотно, — в этом предисловии декларации, две прекрасные фразы из проекта француза Любеца. **)

Декларация Маркса была принята сначала Комитетом, а потом собравшимся в 1866 году конгрессом Международного Товарищества Рабочих. Принятый на том же конгрессе устав Международного Товарищества Рабочих (едва ли удачный, к слову сказать) был сильно переделан в 1873 году вторым женевским конгрессом названного Товарищества.

Комитет Международного Товарищества пе-

тесты против угнетения Польши, на котором выступали Маркс, Энгельс и другие будущие вожди Международного Товарищества“ Гораздо лучше забыть эти слова: Маркс молчал, а Энгельс не был на митинге. Основателем Интернационала считали, впрочем, и Мадани. Интеллигенты не хотели верить, что дело обошлось без них, что одни только рабочие ручного труда основали Интернационал. Тем не менее Шален, по новоду ошибочного указания на то, что Мадани основал Интернационал, говорил на 3-м конгрессе Интернационала в Париже: “мы достаточное число раз заявляли, что не хотим более иметь спасителей, не хотим служить кому либо орудием: мы претендуем на то, что понимаем положение дел и лучше кого либо знаем наши интересы“.

**) “Меня принудили только ввести в предисловие к статутам две фразы об обязанностях и правах и о истине, морали и справедливости, но я поместил их так, что это не могло повредить“, писал К. Маркс.

реименовал себя в Главный Совет и, хотя на митинге было предложено созвать конгресс названного Товарищества в 1865 году в Бельгии, Главный Совет решил не созывать в этом году конгресса.

В это время Карл Маркс написал так называемый "Учредительный адрес" — "Манифест Международного Товарищества Рабочих 1864-го года". Этот манифест не произвел, впрочем, впечатления на рабочих и явился выражением взглядов не Международного Товарищества, а личных воззрений К. Маркса и, быть может, членов Главного Совета. Дело в том, что этот манифест не был принят каким либо из конгрессов М. Т. Рабочих. Манифест начинается словом "Рабочие!", но написан непонятным для рабочих языком, как будто бы его автор предполагал, что рабочие получают, по меньшей мере, среднее образование. Хотя этот манифест и имеет претензию быть международным, в нем почти исключительно говорится об английской жизни. Даже картины бедности почему то рисуют быт одних только английских рабочих. В этом произведении имеется апология закона (тоже английского) о десяти часовом рабочем дне. Автор знает, что этот закон является простой регистрацией соотношения сил борющихся классов, но это не помешало ему написать апологию буржуазного законодательства и сделать буквально ни на чем не основанный вывод, что "первый долг рабочего класса заключается в завоевании себе политической власти". Этот догмат, практически выразившийся в попытке рабочими депутатов в буржуазные парламенты, погубил понапрасну массу рабочей энергии и привел на западе в течение 57 летнего применения к самым нежелательным для рабочих результатам.

В "Манифесте" имелся протест против угнетения Россией Польши, но умалчивалось о ее угнетении Пруссией и, в заключение, давался рабочим несерьезный совет "наблюдать за дипломатическими действиями своих правительств". Этот манифест, ответственность за который лежит на Марксе и Главном Совете, а не на Международном Товариществе Рабочих должен считаться плодом мысли общественного деятеля из такой политически незрелой страны, как разд-

робленная Германия того времени. Для швейцарцев, французов и, пожалуй, даже для англичан, этот манифест представлял из себя неинтересное литературное произведение. Неудивительно, что члены Интернационала, не считались, как общее правило, с этим литературным произведением. *)

Основная идея Интернационала выкристаллизовалась не сразу. Второй раз (первый раз Р. Овеном) был брошен лозунг: "Рабочие! объединитесь!" и без того тяготевшие к объединению рабочие начали объединяться в Международное Товарищество. Рабочие понимали, что современные порядки неудовлетворительны, что надо стремиться к лучшему. Одни из них тяготели к международной организации для того, чтобы в международном масштабе поддерживать стачки и тяготели к безформенному идейному братству, другие пытались устраивать разные рабочие общества — потребительные, производительные, кредитные и др. и в первое время даже отмахивались от социализма, **) третьи понимали, что необходимо организовать союзы для борьбы с хозяевами за лучшие условия труда и найма, четвертые мечтали освободить рабочий класс от ига капитала по указанию Прудона, но Прудона не анархиста, а мютюзлиста, ***) при чем не отличали иной раз это учение от социализма. Наконец пятые были социалистами разных школ, в том числе и марксистской.

Немного позднее, в Интернационале живым ключом забило то учение, которое называется

*) К слову сказать, имя Маркса вовсе не гремело в связи с Международным Товариществом Рабочих. Любопытно, что буржуазный историк Интернационала Эдмонд Вилетард даже не упоминает о Карле Марксе в своей "Истории Интернационала" 1872-го года.

**) Сторонник таких товариществ Беккер — впоследствии марксист — даже протестовал в 1-м номере "Verbote" против "клевет" на Интернационал, против "заподозривания" Интернационала в красном призраке коммунизма. На первом конгрессе ратовала за эти товарищества и докладная записка Маркса.

***) Мютюзлисты проповедывали организацию разных рабочих кооперативов, организацию взаимного, денежного и дарового кредита, организацию обмена продуктов по их "действительной" стоимости.

теперь анархо-коммунистическим.

К рабочим — членам Международного Товарищества Рабочих — присоединились и интеллигенты, правда, в небольшом количестве и среди последних встречались первое время не только социалисты, но и буржуа.

На первых конгрессах Интернационала большинство делегатов шло еще за мютюэлистами и за государственниками, как буржуазной, так и немецкой коммунистической школы, но уже с Базельского конгресса рабочие вышли на другую дорогу.

КОНФЕРЕНЦИЯ 1865-ГО ГОДА.

Международное Товарищество Рабочих не собралось в 1865 году, между прочим, и потому, что конгресс думали собрать в Брюсселе, а бельгийское правительство издало закон, затруднявший приезд в Бельгию иностранцев.

Тем не менее, с 25-го по 29-е сентября 1865-го года в Лондоне заседала конференция нескольких членов Интернационала (4 делегата из Парижа, 2 из Женевы, 1 из Брюсселя; остальными участниками конференции были проживавшие в Лондоне члены М. Т. Рабочих).

Эта конференция вынесла, между прочим, резолюцию о необходимости уничтожить влияние России на европейские дела путем дарования Польше самоопределения и "вернув этой стране социальный и демократический фундамент".

Надо заметить, что Польша сама по себе стоила того, чтобы стать независимой, а не только в качестве орудия для уменьшения или уничтожения влияния России на европейские дела. Можно заметить, что нельзя было говорить о возвращении Польше демократического фундамента, так как крепостническая Польша старого времени не имела его. Можно было только пожелать, чтобы этот фундамент был подведен под грядущую польскую независимость или о том, чтобы заложить такой фундамент для строительства польской независимости.

Предложения парижских делегатов о том, чтобы в Интернационал принимались только рабочие физического труда и чтобы Интернационал не занимался политикой, не были приняты конференцией. Конференция решила, что всякий

отдел Интернационала может понимать под словом "рабочий" или только рабочего физического труда или понимать под этим словом и рабочего умственного труда. От секций же зависело, по мнению конференции, принимать или не принимать в свои ряды женщин.

По предложению И. Беккера была принята резолюция, рекомендовавшая устраивать больницы и похоронные кассы — (довольно таки несерьезное для Интернационала занятие).

На конференции были доложены сведения о рабочем движении в некоторых странах и было решено поднять на ближайшем конгрессе вопрос об отношении религии к социальному, политическому и интеллектуальному развитию.

На конференции было решено, что первый конгресс М. Т. Рабочих соберется весной 1866 года, но, позднее, по предложению женева И. Беккера, указавшего на то, что швейцарские и немецкие секции (отделы) очень еще молоды или только что зарождаются, созыв конгресса был отложен на осень того же года.

ПЕРВЫЙ КОНГРЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Делегаты М. Т. Рабочих и одиннадцати рабочих обществ, не примкнувших еще к Интернационалу, съехались в 1866-м году на конгресс в Женеву. 17 делегатов французов, один делегат французской секции в Лондоне, три делегата секций Германии, 20 делегатов швейцарцев, шесть представителей Главного Совета (в том числе англичане) и 14 делегатов от обществ, не примкнувших к Интернационалу, присутствовали на конгрессе с 3-го по 8-е сентября, вынесли резолюции по разным вопросам и приняли устав Интернационала.

Был принят следующий порядок дня: 1) объединение М-м Т-м Рабочих усилий для борьбы труда с капиталом; 2) сокращение рабочего дня; 3) работа женщин и детей; 4) рабочие союзы, их прошлое, настоящее и будущее; 5) кооперативный труд; 6) прямые и косвенные налоги; 7) международное учреждение взаимного кредита; 8) необходимость уничтожить русское влияние в Европе путем применения права народов располагать собою и восстановление Польши на демократических и социальных основаниях; 9) постоянные армии в их отношении

к производству; 10) религиозные идеи, их влияние на социальное, политическое и интеллектуальное движение; 11) устройство общества взаимопомощи и 12) оказание моральной поддержки сиротам членов Товарищества.

При открытии конгресса были произнесены коротенькие приветственные речи Дюплейксом, Беккером и Куллерн.

Дюплейкс заметил, между прочим, что Товарищество дает необходимую мощь "для того, чтобы улучшить, наконец, условия труда и чтобы, по примеру великого гражданина Линкольна, который уничтожил рабство черных, уничтожить рабство белых". И Беккер сказал в своей речи следующее: "надо, чтобы мы разбили тройное иго, которое давит нас и омрачает нашу жизнь: иго грубого насилия, не имеющее ни милосердия, ни совести, иго денег и иго наследственных предрассудков" и предлагал прежде всего избавиться от последних.

Что касается до постановлений, то по первому вопросу "конгресс объявляет, что, при современном, являющемся войною, положении промышленности надо оказывать взаимную помощь при защите высоты заработной платы. Конгресс считает в то же время долгом заявить, что надо стремиться к более возвышенной цели — к уничтожению наемного труда. Конгресс рекомендует изучить экономические, ведущие к названной цели средства, основанные на справедливости и взаимности".

По вопросу о профессиональных союзах конгресс постановил, между прочим, следующее: "...профессиональные союзы безосознательно явились центром тяжести для организации рабочего класса подобно тому, как средневековые коммюны являлись центрами буржуазного класса. Если профессиональные союзы, благодаря первой своей тенденции (тенденции упразднить конкуренцию среди рабочих), сделались необходимыми в ежедневной партизанской борьбе между трудом и капиталом, то они имеют еще большее значение благодаря своей тенденции являться организованными деятелями упразднения системы наемного труда и господства капитализма" (текст К. Маркса). Не говоря о неудачной аналогии, с этими фразами нельзя не согласиться.

В докладе Главного Совета, написанном Марксом и принятом, как резолюция, говорилось, что труд-юнионы должны помогать всякому общественному и политическому движению, имеющему целью радикальное освобождение рабочих. Но дело в том, что политическим движением нельзя освободить рабочих.

Резолюция не указала, к сожалению, на необходимость для рабочих союзов непосредственно бороться за свое самоосвобождение и участие в политическом движении понималось многими, как бесполезное и чисто вредное участие рабочих в избирательной деятельности буржуазного общества.

Конгресс указал, далее, на необходимость противодействовать интригам капиталистов, пользующихся рабочими чужих стран для борьбы со своими рабочими.

Женевский конгресс высказался за 8 часовый рабочий день.

Конгресс осудил постоянные армии, высказался за общее вооружение народа, за обучение народа употреблению оружия. Впрочем, он полагал возможным оставить на время небольшие постоянные армии, как своеобразные школы для офицеров.

На конгрессе был поднят вопрос о том, могут ли умственные рабочие быть членами Международного Товарищества Рабочих и решается в утвердительном смысле.

По вопросу о независимости Польши, конгресс принял две резолюции, при чем за одну из них голосовала одна, а за вторую другая часть конгресса. Обе резолюции схожи между собой. Первая из них говорит о том, что укрепление и распространение М. Т. Рабочих уничтожит деспотическое влияние России в Европе и возстановит социальную и демократическую Польшу, а вторая о том, что развитие и укрепление Международного Товарищества Рабочих уничтожит всякий деспотизм и возстановит социальную и демократическую Польшу. *)

*) В написанном К. Марксом докладе Главного Совета говорилось, что "демократическая и независимая Польша более, чем когда либо необходима, так как от ее существования зависит судьба Германии (!), кото-

Мы говорили уже о первой резолюции, принятой также на конференции нескольких членов Интернационала и Главного Совета. Вторая резолюция хотела показать, что не один только деспотизм русского правительства тяготит над Европой.

Конгресс рекомендовал устройство производительных товариществ, которые, по мнению представленной англичанами и написанной К. Марксом записки, будто бы посягают на устои современного общества. Такую резолюцию надо считать серьезной ошибкой, так как фатальная неустойчивость таких товариществ в капиталистическом обществе подрывала доверие к самому Интернационалу (напр. в Лозанне). *)

В только что упомянутой записке имелись фразы о детском наемном труде, как о полезном и закономерном шаге, и о том, что детский труд должен быть соединен с образованием. Удивительно, что эта часть записки была принята конгрессом: более чем ясно, что "трудящимся детям" не до образования, которое, в свою очередь, является для них непосильным трудом. **)

рая будет либо авангардом священного союза или со- трудничей республиканской Франции".

*) Ничего общего с социализмом не имело и следующее внесенное в доклад Главного Совета предложение К. Маркса: — "мы рекомендуем рабочим поощрять производительные товарищества, больше, чем товарищества потребительные, так как последние задевают только поверхность современной экономической системы, а первые нападают на ее основание". Члены Интернационала не сразу убедились в несерьезности этой рекомендации. Далее, в докладе говорилось, что "...всякий занятый в товариществе рабочих, как член, так и не член товарищества, должен получать одинаковый заработок. Как на временный компромисс, мы соглашаемся на то, чтобы давать членам товарищества очень маленькую прибыль". Эта маленькая временная прибыль не только противоречила великим принципам социализма, но и практически была опасным компромиссом.

**) Написанный К. Марксом доклад считал, почему то, взрослыми людей, достигших 18-ти лет, а не 21-го года. Он считал тенденцию современной индустрии пользоваться трудом детей и молодых людей прогрессом и законной тенденцией, хотя и резко порицал проявления этой тенденции в капиталистическом обществе.

Эта в значительной своей части принятая конгрессом записка едва ли была серьезной и во всяком случае являлась не практичной: под ее давлением Интернационал сразу сделал несколько или пустых, или даже вредных шагов.

Впрочем, французские рабочие верным инстинктом пролетариев внесли некоторые блестящие заявления, которые марксисты называли общими фразами.

В будущем, — говорила одна из таких принятых конгрессом резолюций, — "рабочий будет одновременно производителем, капиталистом и потребителем".

Конечно, в эту резолюцию надо вложить не только приписываемый ему последователями Прудона смысл.

Конгресс принял устав Международного Товарищества Рабочих и, предисловие к нему, написанное К. Марксом, (только слегка измененное), которое мы и приводим целиком: "Принимая во внимание, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих; что борьба рабочих за свое освобождение должна быть направлена не на создание новых привилегий, а на установление для всех людей одинаковых прав и одинаковых обязанностей; что подчинение рабочего капиталу есть источник всякого политического, нравственного и материального рабства; что экономическое освобождение рабочих есть великая цель, которой, как средство, должно быть подчинено всякое политическое движение; что все усилия рабочих оставались до сих пор тщетными вследствие отсутствия солидарности между

"В рациональном обществе, — поучал К. Маркс членов Конгресса, — всякое дитя начиная с 9-ти летнего возраста, должно быть производительным работником"... Это невероятное положение не стало приемлемым и от того, что К. Маркс предлагал ограничить законом рабочие часы детшек от 9-ти до 12-ти лет двумя часами в сутки, детей от 12-ти до 15-ти лет — четырьмя часами, а молодых людей обоего пола от 15 до 18 лет — шестью часами. При этом дети и молодые люди должны были еще учиться. Конечно, все эти предложения К. Маркса не основывались на указаниях гигиены. Все они не имеют ничего общего с социализмом и даже ученые гигиенисты — буржуа сочтут их через чур уж буржуазными.

рабочими различных профессий в каждой стране и вследствие отсутствия братского союза между рабочими разных стран, что освобождение рабочих не является простой местной или национальной задачей, но задачей социальной, интересующей все цивилизованные нации, решение которой, в силу необходимости, зависит от теоретической и практической совместной работы этих наций; что движение среди рабочих наиболее промышленных стран Европы, порождая новые надежды, дает торжественное предостережение не впадать в старые ошибки и советует объединить все еще изолированные усилия; на основании вышензложенного, Конгресс Международного Товарищества Рабочих, происходивший 3-го сентября в Женеве, объявляет, что это Товарищество, так же, как и все общества и отдельные лица к нему принадлежащие, признают как основу своего поведения по отношению ко всем людям без различия расы, веры или нации, — Истину, Справедливость, Нравственность.

Конгресс считает обязанностью требовать права человека и гражданина не только для членов Товарищества, но также для всякого, кто исполняет свои обязанности. Нет обязанностей без права, нет прав без обязанностей¹.

Едва ли можно считать это предисловие к уставу особенно удачным. По меньшей мере оно страдало неполнотою и неопределенностью. Так напр. слова "освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих" некоторыми членами Интернационала понимались так, что рабочие должны выбирать в буржуазные парламенты депутатов, возлагая на них задачу освобождения рабочего класса, а другими — так, что рабочие не должны участвовать в выборах депутатов, непосредственно добиваясь полного освобождения. Второй и третий §§ рассматривались некоторыми членами Интернационала, как призыв к уничтожению государства. Слова — "как средство", в третьем § опять таки рассматривались, как это ни странно, некоторыми членами Интернационала, как принятие на себя обязанности участвовать в избрании депутатов. Во многие фразы этого предисловия члены Международного Товарищества Рабочих вкладывали противоположный смысл и в первое время Интернационал собирал под свои знамена людей, убеждения которых ра-

сходились по самым существенным вопросам.

Что касается до устава Международного Товарищества Рабочих, то в нем говорилось, что конгресс Товарищества избирает членов Главного Совета из числа рабочих разных стран, что Совет может иметь секретарей для разных стран, что конгресс назначает место и время для следующего конгресса. Тем не менее в уставе говорилось, что в случае невозможности собрать конгресс в назначенном месте, Совет назначает другое место и, в случае необходимости, может собрать конгресс ранее назначенного срока. Главный Совет должен осведомлять рабочих всех стран о происходящих в других странах движениях, производить расследования по социальным вопросам, имеющим общий интерес; предложенные каким либо обществом вопросы передаются на общее обсуждение для того, чтобы Товарищество могло, в случае надобности, действовать однообразно. Указывалось, что Товарищество будет издавать Бюллетень. Устав предполагал объединять разные рабочие общества какой либо страны в одну национальную ассоциацию. Приезжая в другую страну, член Международного Товарищества получает сведения о положении его профессии в той местности, куда направляется. Он получает также кредит, гарантированный его секцией. Всякий принявший и защищающий принципы Международного Товарищества может быть его членом под ответственностью принявшего его отдела. Отдел Интернационала, кого хочет того и назначает своим корреспондентом в Главный Совет. Рабочие общества устраиваются в Интернационале так, как хотят.

Устав и предисловие к нему были написаны на трех языках — на французском, английском и немецком.

В виду того, что членами Международного Товарищества Рабочих могли быть и не рабочие, — парижская делегация настаивала на том, что делегатами на конгресс Международного Товарищества должны избираться только рабочие, так как иначе является опасение, что лица, принадлежащие к либеральным профессиям и капиталисты смогут провести на конгрессах постановления, противные интересам рабочего класса. "В один прекрасный день может случиться, — говорил Фрибург, — что рабочий конгресс будет

состоять, большей своей частью, из экономистов, журналистов, адвокатов, предпринимателей и т. д. — смешное явление, которое уничтожит Ассоциацию“. „Мы не ненавидим кого либо, — говорил Толен, — но при настоящих условиях, мы должны рассматривать, как противников, всех членов привилегированных классов, причем безразлично, следствием капитала или следствием диплома являются эти привилегии“.

Тем не менее, 25-ю голосами против 20-ти, конгресс признал, что на конгрессах Международного Товарищества Рабочих делегатами могут быть все члены последнего.

Затем был принят регламент, (не представляющий особенного интереса) о задачах Главного

Совета, о ежегодном членском взносе в 30 сантимов (11 копеек) и съезд закрылся, указав, что следующий конгресс Товарищества соберется в сентябре 1867-го года в Лозанне.

Протоколы этого конгресса были захвачены французской полицией в момент провоза их через Францию английским подданным, но, после жалобы английскому министерству, отданы Главному Совету.

По поводу этого конгресса К. Маркс написал письмо, интересное только тем, что понятие „революционный“ почему то отождествлялось в нем его словами „вытекающий из самой классовой борьбы“.

(Продолжение в след. номере).

ВОСПОМИНАНИЯ АНАРХИСТА.

В. Худoley.

I

После разгрома революции 1904—7 г. г. наступила полоса тяжелой реакции. Общественная жизнь замерла, уцелевшие революционеры ушли в личную жизнь. Место великих мировых задач занял половой вопрос в упрощенной постановке и героем дня стали наглый Арцибашевский „Санин“ и Маруся Вербицкой (из „Ключей счастья“).

Но вот наступил 1911 г. и в воздухе повеяло политической весной. И не столько раздумом, сколько непосредственным чутьем жизни почувтали мы эту весну. Газеты запестрели сообщениями о рабочих стачках и появились первые легальные с. — д. газеты. Началось некоторое оживление и среди учащейся молодежи. Только ничтожны были группы социалистического студенчества среди студенчества новой формации — обывательского, буржуазного и чиновного.

Только что прошедшие студенческие беспорядки, подготовленные смертью сперва Муромцева (бывшего председателя Государственной Думы) и затем Льва Толстого, внесли некоторую новую струю в жизнь студенческих землячеств.

Социалистические кружки возникали один за другим и так как толстые журналы, будившие мысль молодежи, были только марксист-

кого и народнического направления, то и кружки обычно делились между этими течениями. Политическая литература, которая до 1911 г. не находила спроса и по дешевке продавалась букинистами, стала повышаться в цене и исчезать с книжного рынка.

Среди студентов Смоленского землячества при Московском Коммерческом Институте образовался в конце 1911 г. небольшой социалистический кружок. Члены кружка решили изучать социалистическую литературу и знакомиться с политическими партиями в целях выработки миро-созерцания. Среди 10—12 членов кружка было только два сочувствовавших определенным политическим направлениям: один сочувствовал с. — д., а другой — анархистам.

Члены кружка не столько с интересом, сколько с любопытством выслушивали анархиста — настолько диковинным и необычным им казался анархизм. Стали искать анархической литературы и через некоторое время составилась небольшая библиотека следующих авторов:

П. Кропоткин — „Записки Революционера“.

Его-же — „Речи Бунтовщика“.

Его-же — „Хлеб и Воля“.

Новомирский — „Манифест ан.-комм.“.

Его-же — „Из программы синд. анарх.“.

Жан Грав — "Умирающее Общество".

Его-же — "Будущее Общество".

Макей — "Анархисты".

Л. Кульчицкий — "Современный Анархизм".

Его-же — "Анархизм в России".

Эльбахер — "Анархизм".

Новизна идеи пробудила большой интерес.

После летних каникул кружок пополнился новыми членами из других землячеств, появились с.—р. и загорелась идейная борьба между партиями, выковывая миросозерцание членов. Споры носили очень горячий характер и затягивались за полночь. В целях большей конспиративности собирались на разных квартирах, что в те времена было делом нетрудным.

Бесформенные социалисты, после ряда докладов, сопровождаемых жаркими прениями, развизались, усваивали определенное миросозерцание и примыкали к тому или иному политическому направлению. Несмотря на то, что с.—р. и с.—д. имели обширную литературу и могли приводить очень опытных докладчиков, симпатии к анархистам росли. Осенью 1913 г. образовался Кружок Изучения Анархизма, поставивший своей целью не только составление анархической библиотеки и изучение анархических учений и анархического движения, но и пропаганду этих идей среди студенчества.

В состав кружка входили: Алексей Хон, Александр Поль, Леонид Вучетич, Алексей Ч., Михаил Д., Николай Б. и автор этих строк. Прочитанная литература произвела на нас большое впечатление и мы быстро разделились по симпатиям к тому или иному течению: трое признали своим учителем П. Кропоткина, трое — Новомырского и один объявил себя индивидуалистом.

Наши кружковые собрания иногда заканчивались вечеринками. С 6 до 9 или доклады и обмен мнений, а с 9 ч. начинали приходить наши друзья, не входившие в состав кружка и начиналась обычная студенческая вечеринка с играми, пением и всякими дурачествами, которая далеко затягивалась за полночь. Среди наших гостей нередко бывали члены с.—д. и с.—р. кружков, но редко кто знал, что перед вечеринкой было собрание анархического кружка.

Однажды к нам пришел один из с.—д. и

спросил, не можем ли мы приютить на несколько дней бежавшего из ссылки с.—д., известного нам впоследствии под именем Голубя. Мы охотно его приютили и, вскоре, подружились с ним.

Мы в это время жили жизнью типичной для студенческой бедноты. В среднем каждый из нас получал в месяц около 25 руб. (12½ долларов) и ясно, что мы могли питаться нормально, покупать литературу, бывать в театрах и устраивать вечеринки только в начале месяца. А в конце приходилось жить впроголодь. Очевидно безработное веселье голодной богемы и глубокая вера в торжество анархических идеалов нравилась т. Голубю и он предпочитал проводить время с нами, чем ходить к своим товарищам по партии. Вскоре Голубь уехал за-границу и спустя много месяцев оказал нам по нашей просьбе большую услугу.

Весною 1914 г. наш кружок преобразовался в Группу Анархистов-Коммунистов и решил начать революционную агитацию среди рабочих. Стали искать связей. С.—д. своих связей не хотели давать нам. Они приглашали нас вести у них в рабочих кружках занятия по политической экономии или государственному праву, но по их программе. Мы, конечно, отказались. Пылкий черноморец Вучетич предлагал организовать террористический акт, но группа решила повременить с террором.

Вучетич и Михаил Д., дружившие с с.—р., получили через них связи с рабочими, но должны были больше работать для них, чем для своей группы, тем более, что группа та, собственно говоря, и не знала как поставить работу. Вскоре Михаил Д. женился на с.—р. и почти перестал поддерживать с нами связи.

Перед окончанием учебных занятий мы решили напечатать прокламацию и, развезаясь на каникулы, раскидать их в разных местах из окна вагона. Прокламация была напечатана на гектографе в количестве 200 экз. и распространялась в Туле, Брянске и Смоленске.

В этом же 1914 г. нам случайно попался в эсперантском магазине китайско-эсперантский анархистский журнальчик "Голос Народа". Через него мы узнали о том, что в Нью Йорке издается анархическая газета "Голос Труда" и, написав туда письмо, получили на вымышленное

ния А. Каталниа, пакет с газетой. Одновременно мы стали искать связей с Западной Европой. Из "Записок Революционера" мы узнали, что Жан Грав издает в Париже журнал "Новые Времена" и написали ему письмо с просьбой выслать на условный адрес его журнал, газету Конфедерации Труда и сообщить этот адрес русским анархистам. Через две недели мы получили присланные газеты. Спустя неделю мы получили орган Заграничной Федерации Групп русских анархистов-коммунистов — "Рабочий Мир". Одновременно пришло письмо за подписью Рабочего Альфы, в котором он предлагает нам дать какие-нибудь рекомендации. Мы тотчас вспомнили Голубя, достали у с.—д. его заграничный адрес и попросили рекомендовать нас Р. Альфе. Просьба была исполнена. Голубь не только нас познакомил с анархистами-эмигрантами, но и сам познакомился с ними и через некоторое время перешел в наши ряды.

Почти одновременно мы написали в одно из итальянских книгоиздательств (адрес которого попался в какой-то книге) просьбу сообщить, откуда бы нам можно было выписать сочинения П. Кропоткина. По получении ответа мы установили связь с итальянскими анархическими газетами — "Грядущая Анархия" и "Воля", а потом испанской газетой "Земля и Воля" и немецкой "Свободный Рабочий". Так были установлены связи с международным анархизмом и нашей радости не было конца.

После раз'езда на летние каникулы переписка с за-границей была на время прервана.

II

ОБ АНАРХИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В МОСКВЕ

Осенью, 1914 года, когда начались занятия в учебных заведениях, снова с'ехали в Москву члены Гр. Ан. Комм. Однако, за лето успели произойти большие перемены. Александр Поль был мобилизован и убит на фронте. Алексей Хон, связавший с нами группу близких по духу студентов Университета, уехал в Донскую область на заработки и умер там от отравления рыбой. Николай Б. (анархо-индивидуалист) отошел от группы, не желая переходить от работы по изучению анархизма к активной деятельности. Наоборот, Михаил Д. и Леонид

Вучетич, упрекая группу в недостатке активности, все больше сближались с с.—р., хотя последний не порывал связей и с нами.

В то же время группа начала пополняться новыми членами. Мы познакомились с Виктором Ш., выступавшим в Коммерч. Институте на практических занятиях по государственному праву в защиту идей анархизма, и привлекли его в группу. Из университетской группы привлекли Ивана Д-ва. Из одного из студенческих марксистских кружков к нам перешли Зоя Карчевская, умершая от тифа летом 1917 г. Так как старая группа наша переживала кризис, мы выделили из нее более активное ядро, назвавшее себя "Кружком имени Михаила Бакунина и Иоганна Моста".

Кружок поддерживал сношения с заграничными товарищами. Правда, газеты и журналы во время войны уже не доходили к нам. Но письма мы получали аккуратно, не смотря на строгости военной цензуры. Мы проводили цензуру и сообщали за-границу все, что хотели.

Кружок сделал в 1914 г. попытку издать подпольный журнал "Возрождение". Мы хотели печатать его на шпирографе. Но так как во время войны нельзя было достать ни хорошей шпирографской ленты для машинки, ни хорошего шпирографа, наша попытка кончилась неудачей.

Один из членов группы, сблившийся с с.—р., достал в Революционном Красном Крестье адрес одного заключенного анархиста. Это был Григорий Неизвестный, приговоренный к пожизненному заключению. В Орловской каторжной тюрьме, во время заведывания ею начальника тюрьмы Синайского, заключенных избивали палками (плашмя), кепками набитыми песком и садили с размаху об пол. Григорию Неизвестному, во время такого избивания сломали позвоночник. Когда он окончательно стал калекой, его перевели из тюрьмы в богадельню, где он и доживал свои дни.

Однако, несчастный калека был героической натурой и, несмотря на увечье, лишившее его способности к передвижению, усердно работал над ниспровержением самодержавного строя. Он связал нас со своими товарищами, находившимися в пожизненной ссылке — с Сафьяном жив-

шим в Иркутске и Николаем и Екатериной, жившими около Туруханска. Затем он распространял и связал с нами юношу Ивана Хархарина.

За Григорием Неизвестным была некоторая слежка и поэтому нам пришлось вести переписку на условный адрес и, для большей безопасности, шифровать письма.

Григорий предложил шифр очень простой и удобный, применявшийся раньше в революционных организациях. В основу шифра кладется любое слово, буквы которого пишутся сверху вниз. От каждой буквы продолжают алфавит до конца и затем начинают сначала. Над каждым столбцом букв стоят цифры для отсчета и, кроме того, с боку цифры по строкам. Каждая буква обозначается дробью, причем числитель обозначает строку, а знаменатель — столбец.

Вот образец шифра, ключем к которому служит фамилия Каталин:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	К	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х
2	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м
3	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я
4	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м
5	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц
6	п	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф
7	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш
13	14	15	16	17	18	19	20	21	и т. д.			
ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й				
н	о	п	р	с	т	у	ф	х				
й	а	б	в	г	д	е	ж	з				
н	о	п	р	с	т	у	ф	х				
ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а				
х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я				
щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в				

Имя Григорий можно было зашифровать так: 2/4, 5/6, 2/9, 4/4, 7/2, 4/16, 6/1, 1/21 или 4/4, 1/7, 4/9, 3/17, 6/6, 2/16, 2/9, 7/18, а также целым рядом других способов.

Чем длиннее шифрованное письмо, тем больше букв должна иметь каждая строка. Тогда каждая буква будет обозначаться большим количеством дробных знаков и незнающему ключа будет невозможно прочесть написанное. Таким шифром мы писали друг другу целые страницы, будучи уверенными, что если даже полиция и

перехватит письма, то все равно ничего не поймет. При помощи такого шифра, но с другим ключем, мы переписывались о конспиративных вещах и с сибирскими товарищами. Когда полиция нападала на след и перехватывала письма, мы давали своим товарищам другой условный адрес и переписка продолжалась по прежнему. Удобным местом для условных адресов был Москов. Коммерческий Институт, вмещавший до семи тысяч студентов. Всегда около почтового ящика толпилось много народу и никто не мог уследить за тем, кто какое письмо берет, а поэтому шпики не могли проследить получателя по условным адресам. Проверить же фамилии, чтобы не было условных имен, не было тоже возможности в виду большого количества почты.

Один из сибирских товарищей связал нас с анархистом Стенькой Разиным (Романовым), жившим в Кинешме, промышленном центре Костромской губ. В то же время Григорий Неизвестный стал искать связей с рабочими Брянского и Тульского заводов. Таким образом наш кружок получил хорошие связи и, казалось, мог бы развернуть широкую работу. Однако отсутствие прочных связей с московскими рабочими делает нас беспочвенными. И вот все внимание кружка обращается на организацию анархического движения в Москве.

Прежде всего мы обратились к своим друзьям из с.—д. и с.—р. кружков с просьбой познакомить нас с рабочими-анархистами, если они знают таковых. Они выразили согласие, но сказали, что нигде не нашли наших единомышленников.

Но вот однажды ко мне приходит студент с.—д. Неестеров с сообщением, что на Прохоровской фабрике он случайно познакомился с одним конторщиком, отбывавшим ссылку за участие в анархическом движении 1905—7 г. г. Я, конечно, прошу познакомиться. Через несколько дней он приводит ко мне Павла Михайловича Николина, сыгравшего у нас роковую роль впоследствии.

В этот же вечер собрался весь наш кружок и так как почти на всех нас он произвел хорошее впечатление, он был немедленно принят в нашу среду. Только один Виктор Ш. определенно заявил: "а мне он кажется подозри-

тельным⁴⁴ и поставил ультиматум: или я или он. Но Виктор Ш. был нашим однокурсником, а Николин — первым старым анархистом, которого мы видели и вдобавок таким, который связывал наш кружок с предшествующим анархическим движением, и ясно, что мы предпочли Николина. Виктор Ш. вышел из кружка и поддерживая дружеские отношения только с некоторыми из нас, тщательно избегал всякого общения с Николиным.

Николин сразу заявил нам, что какой-либо активности он не проявит, ибо он на примете у "охранки" и его немедленно арестуют, а вслед за ним и нас. Нас он побуждал к активности. Теоретически он был слабее нас и поэтому ничего нового в духовный багаж кружка он не внес. Спустя несколько месяцев он познакомил нас со своим другом Владимиром Владимировичем Бармашем. Бармаш в ту пору был сторонником войны, мы же были антимилитаристы и поэтому вместе работать не могли.

Связь с несколькими служащими Центрсоюза (Союза Потребительских Кооперативов) приблизила нас к рабочим массам Москвы. Мы основали Московскую Группу Анархистов-Синдикалистов, поставившую своей целью агитацию среди рабочих. Группа была немногочисленна. В состав ее вошли: Александр Абрамов, Ефим (фамилию его я скрою), Алексей Чепиков и автор этих строк. Через несколько месяцев в группу вошел приехавший из Орла в Москву Иван Хархардин. Иногда на собраниях группы бывали Иван Д-в и Николин.

Однажды в столовой Института ко мне подошел Михаил Д. и сказал: "вот за этим столом сидит один анархист, только что приехавший из Парижа. Если ты найдешь его среди 20 человек обедующих, я вас познакомлю". И хотя я никак не мог опознать парижанина среди обедующих, тем не менее Михаил Д. познакомил меня с ним. Это был Павел Минаевич Тырмов, старый анархист, участник движения 1907 г. и член Парижской группы русских а.—к. "Воляная Община". Он сейчас же был кооптирован в нашу группу и тот час же связал нас с А. Карелиным, а позже с Львом Черным, тоже только что вернувшимся из-за границы после амнистии 1913 г.

Помню с каким нетерпением я шел по лестницам Моск. Уездного Земства, поднимаясь на тот этаж, где служил Черный. Я подошел, как было условлено, к человеку крепкого телосложения с лвиной головой, покрытой черными волосами, и спросил Павла Дмитриевича Турчанинова. — "Это — я?", ответил Черный, приветливо кивнув головой. Я сел и стал внимательно слушать Льва Черного. Он говорил об историческом материализме, к которому он при-мыкал, о социометрии, разработанной им, о мутуализме и ассоционизме. Ни в кружок, ни в группу он не согласился вступить в виду слежки, которую установила за ним охранка. Он предложил группе поддерживать с ним связь через одного — двух товарищей, предпочитал встречаться только в общественных местах — в Земстве, в столовой и т. п., но предупреждая не узнавать друг друга на улице.

Он в это время занимал маленькую должность в одном из отделов земства и, видимо, очень тяготился той неленой канцелярской работой, которую ему приходилось вести ради хлеба. Тырмов говорил, что в Париже Черный считался одним из лучших шофферов: быстроту езды он сочетал с необыкновенной осторожностью. Он удивлял парижских буржуа тем презрением, которым он встречал предложение получить "на чай" за хорошую езду. Думаю, что Черный был бы превосходным учителем, — лектором он был хорошим. Но мелкая канцелярская работа ему была не по душе и он не вникал в нее. И я не раз был свидетелем, как он принимал разные прошения наивных старушек, которые, не ходив все отделы земства и получив всюду отказ, обращались к нему, как к самому отзывчивому человеку. И он принимал прошения, не имеющие никакого отношения к его делу, которые его грубое начальство без сожаления выкидывало в корзину. Вскоре он нашел небольшую литературную работу и, кажется, бросил канцелярщину.

Лев Черный настолько мало заботился о своих личных выгодах и удобствах и настолько мало интересовался тем, что о нем думают другие люди, что больше напоминал индуса, подвизника юги, чем современного европейца. Он вечно жил в нужде (хотя и вышел из помещичь-

ей среды) и привык быть неприспособленным в отношении одежды и жизненных удобств и настолько был поглощен интересами разработки и углубления анархического учения, что по отношению к неанархистам вполне мог придерживаться совета:

“Хвалу и клевету приемлю равнодушно
И не оспариваю глупца”.

Он никогда никому ничего не навязывал и не запрещал. Обычно он даже учение свое излагал только тогда, когда его просили и в то же время терпеливо и внимательно выслушивал каждого, кто излагал ему свои взгляды. Верный своему мутуалистическому принципу “не вреди”, он никогда никому не причинял вреда и не хотел сам, чтобы ему причиняли вред, хотя, на самом деле, скорее соглашался претерпеть причинение вреда себе, чем причинить его другому. Узнав Черного, нельзя было не помолить его.

Таковы были связи нашей группы с ана-

хистами. Один из членов нашей группы, — Александр Васильевич Абрамов, служивший конторщиком в Центросоюзе и учившийся в Университете Шаняевского, установил связи с рабочими разных фабрик и заводов и создал хороший распространительный аппарат для распространения прокламаций. Абрамов нелегальным способом добыл ротограф, которым мы владели и пользовались на паях с одной замоскворецкой организацией с.—д. большевиков. Мы печатали каждую прокламацию в количестве 1000—2000 экземпляров — все расходилось без остатка. Прокламации выпускались обычно или по поводу войны или по случаю каких нибудь событий из рабочей жизни (Ленский расстрел, 9-е Января и т. д.). Эти прокламации дали нам в дальнейшем возможность укрепить связи с рабочими, с’организовать новые анархические группы среди рабочих и пробудить к жизни дремавшие остатки анархических групп первой революции.

ОБ АНАРХИЧЕСКОМ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ.

Если манчестерство оперировало с “экономическим человеком”, а марксизм — с тем же “экономическим человеком, но не индивидуальным, а классовым”, то революционное народничество оперирует с “новой психологической личностью”, но не уединенной, оторванной от себе подобных, а с личностью общественной, мыслящей и действующей в определенной обстановке, при определенных методе и форме производства, политических институтов, социальной борьбе, идейном, накопленном столетиями, богатстве страны.

Действия эти управляются человеческими потребностями и влечениями, по отношению к сознанию человека, группирующимися по схеме П. Лаврова *).

Но деятельности человека по пути осуществления всех этих потребностей и влечений положен предел в материальных условиях среды и “имманентных законах самого экономического развития”, в стихийном стремлении общества

“подчинить себе свои части, обратить их в служебное состояние для вышей полноты своего существования”. Естественна, следовательно, борьба человека против всех этих поражающих его личность тенденций, в целях сведения их к минимуму, но при условии сохранения гармонического целого. Во весь свой рост встает, таким образом, вопрос о формах этого целого, формах, при которых наиболее полно удовлетворялись бы эти потребности. И так как “общество и цивилизация сами по себе цены не имеют, если не служат удовлетворению потребности личности” (ст. III, 180, 1881, Михайловский), то встает вопрос о формах общежития, способных к быстрому и безболезненному изменению, к прогрессу, как только наступает несоответствие этих форм потребности личности, прежде всего потребности в свободе и развитии.

Гениальная формула прогресса, данная Н. Михайловским, указывает эту форму: “прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между людьми. Безнравствен-

*) П. Лавров. Исторические письма, стр. 28.

но, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Правдиво, справедливо, разумно и полезно все, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов". (Что такое прогресс, т. I, 150).

"Вне приведенной формулы, — говорит он, — нет примирения между интересами личности и общества и вековой тяжбе между ними нет конца (т. I, 297). Но значение этой абстрактной на первый вид формулы для конкретизации нашего социалистического идеала станет понятным лишь после некоторых предварительных разъяснений о возможном взаимоотношении личности и общества. Только после этих, разъяснений станет также понятной абсурдность утверждения Бердяева, что формула прогресса Н. Михайловского не дает "никакой определенной формы общезития".

* *

Если бы возможно было представить себе жизнь людей, как обособленных друг от друга единиц, если бы гармоническое и всестороннее развитие личности достигло такого кульманиционного пункта, при котором каждый индивид мог бы обходиться без общественного целого, — личность была бы абсолютно свободной в своих действиях и желаниях. Этот идеал — идеал индивидуализма. Но можем ли мы его представить себе?.. Принципы индивидуализма в их чистом виде изложены Штирнером в книге "Единственный и его собственность". Отрицая подчинение личности обществу, он не признает для своего Я ни общественных норм, ни права за кем бы то ни было, в какой бы то ни было мере, этому Я устанавливать закон, понятия добра и истины. "Нет ничего выше меня", — вот краткая, но вполне законченная формула его воззрения на взаимоотношения индивидуума и целого, отношения личности к личности. Для Штирнера не существует любви человека к человеку, не существует святости для "меня", человека, брака, нравственных отношений, дружбы, обязанностей. "Восставая против помыслов и понятий современности, эгоист бесжалостно совершает самое решительное уничтожение святых. Ничто ему не свято."

"Я хочу быть всем и иметь все, что могу.

Имеют ли то же самое другие, какое мне дело. Равного, того же самого, они не могут ни иметь, ни представлять собой... я считаю себя не чемнибудь особенным, но единственным. Конечно, я имею сходство с другими, но это имеет значение лишь для сравнения или рефлексии; в действительности я несравним и единственен. Я не хочу в тебе ни признавать, ни уважать, что бы то ни было, ни собственника, ни босяка, ни даже только человека, но хочу пользоваться тобой". (194).

Но Штирнер, признавая единственным законом Я — закон личного интереса, противопоставляя Я — семье, обществу, нации, государству, которые для Я существуют лишь постольку, поскольку Я признает над собой их власть; называя единственной реальностью "мое собственное Я", а все остальное — абстракциями, все же должен был признать: "союз эгоистов", союз во имя удовлетворения потребностей этого Я, которое войдет в союз, если это выгодно, уйдет, если невыгодно этому Я. Это и будет, говорит Штирнер, Союз свободных людей. Признание Союза как бы он ни назывался и во имя чего бы он ни создавался, оставляет вопрос о взаимоотношениях личности и общества открытым, нерешенным. Ибо и входя в "союз эгоистов" для удовлетворения, повидимому, лучшего и более полного, потребностей и выходя из него, придется выяснить конституцию этих взаимоотношений, дабы союз мог выполнить возложенные на него функции: помочь личности удовлетворять свои потребности. А при выяснении взаимоотношений, установлении "madu s'aendi" между личностью и союзом, придется согласовать различные эгоистические наклонности, т. е. одним — эгоизма немного надбавить, другим — убавить. "Я" союза становится не тем, чем он был вне союза. Можно говорить — "нет ничего выше меня", можно утверждать — "нет ничего для меня святого, можно не признавать никаких норм, любви, понятий добра и т. д., но нельзя игнорировать факта: необходимости образования коллектива в целях оказания эгоистической личности помощи в ее борьбе за существование. Следовательно, вопрос о взаимоотношениях эгоиста и коллектива эгоистов становится во весь свой рост. Шарль Жид опровергает парадокса-

льные утверждения Штирнера единственным указанием на неверность основной предпосылки: единственная реальность индивид, а ирреальность — общество.

“Индивид, — говорит Ш. Жид, — не существует вне общества. Он не более реален, чем общество. Индивид — простой элемент общества и не независим от него; не от него зависит, существует или не существует общество. Общество не простая идея; оно единственное явление. С таким же основанием можно было бы индивида назвать абстракцией. Это он истинный фантом” (“История Экономич. Учений”, 361).

Свое утверждение он подтверждает ссылкой на так называемый социально-политический анархизм, также признающий “реальность за социальным явлением”, особенно в лице Бакунина.

“Индивид индивидуалистов — фикция. Общество подобно природе возникло раньше человеческого индивида и переживет его; подобно природе оно вечно... Человек становится человеком, приходит к сознанию себя человеком и начинает действовать, как человек, только в обществе и только благодаря коллективной деятельности общества в целом. Он освобождается от ига внешней природы только благодаря коллективному или общественному труду... Вне общества человек вечно оставался бы диким зверем”.

Возникло ли общество раньше индивида, или индивид раньше общества, — все это напрасные словопроения, напоминающие спор, что раньше: курица или яйцо. Мы присутствуем в данный момент при двух явлениях: 1) факте существования индивида, стремящегося к полной свободе, к уничтожению всякой своей зависимости от общества; 2) факте существования общества с противоположными тенденциями. Вопрос в том, как разрешить эту проблему, не возвращаясь к звероподобному состоянию первобытных людей и не разрушая целого. Если не прав Штирнер с его ирреальным обществом, то неправ и Бакунин, неправ и Жид, неправы все трактующие индивид как фикцию, как фантом. Если он был фикцией, если он есть фикция, то он ею не должен быть. Такова проблема.

Верную постановку вопроса мы находим только у наших учителей — у П. Лаврова и Н. Михайловского.

“Общество вне личности не включает ничего реального. Ясно понятые интересы личности требуют, чтобы она стремилась к осуществлению общих интересов; общественные цели могут быть достигнуты исключительно в личности. Поэтому, истинная общественная теория требует не подчинения общественного элемента личному и не поглощения личности обществом, а слияния общественных и частных интересов” (“Истор. Письма”, 88).

“Перед нами определенная задача прогресса: культура должна быть переработана мыслью. Перед нами также определенный единственный деятель прогресса: личность, определяющая свои силы и дело, ей доступное. Мысль реальна лишь в личности. Культура реальна в общественных формах. Следовательно, личность остается со своими силами “со своими требованиями лицом к лицу с общественными формами” (там же 100).

“Я и не я”, — пишет Михайловский, — такова формула мира, выставленная немецкой метафизикой. На одной чашке весов Я такой то, а на другой — все остальное... Более дерзкая идея никогда не высказывалась человеческим языком, да ничего более дерзкого и придумать нельзя... Как ни дерзка, однако, эта формула, она вполне соответствует природе человека, как и всякого индивидуализированного существа вообще. Каждым своим шагом, каждым дыханием человек выделяет свое Я из необъятного не Я, противопоставляет себя ему и располагает все “не — Я” в чисто эгоистической перспективе, т. е. группирует его, применяя к своим личным страданиям и положениям. Это до такой степени очевидно, несмотря на все грошевое рассуждение моралистов, что человек мыслящий и не лицемер не потребует от нас доказательств” (Борьба за индивидуальность 434, т. I).

Только так и может быть поставлен этот вопрос. И индивид, и общество — реальности, стоящие лицом к лицу, желающие слить свои интересы, но в таких взаимоотношениях, чтобы личность не теряла своей независимости, а общество сохранило полностью свою целостность и правильность своих общественных отправления. Но правильная постановка вопроса не означает получения исчерпывающего ответа на него. Как

решает Михайловский эту дисгармонию между Я и "не — Я".

Преследуя всю свою жизнь цель — выявить влияние различных форм общежития на человеческую индивидуальность, он должен был, разумеется, поставить вопрос и о той совершенной форме, при которой "правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука об руку, одна другую пополняя", при которой, употребляя всем известную, давно приобретенную право гражданства формулу, личность могла бы всесторонне, гармонично и свободно развиваться. Форма эта, точнее принципы этой формы, даны в его формуле прогресса, приведенной нами выше. Вне этой формулы невозможно прекращение борьбы между обществом, стремящимся "самым процессом своего развития подчинить себе входящие в его состав индивидуальности", и личностью человека, отстаивающего свою индивидуальность от этого стихийного посягательства, от стремления "раздробить личность, оставить ей какое-нибудь одно специальное отправление".

Формула эта предполагает прежде всего **освобождение труда**, в котором только и выражается личность, труда, равного для всех, труда сознательного, труда в социалистическом обществе, ибо "где человек, там и труд, где труд — там и свобода". Такое решение проблемы основывается на том, что "интересы труда везде одни и те же". Это решение верно лишь постольку, поскольку вопрос рассматривается через призму существующих капиталистических отношений, поскольку интересам труда противопоставляются **сейчас** интересы капитала, интересы эксплуатации, давящие различные группы труда, не с одинаковой силой, но все же выработывающей во всех группах единство классового интереса и классового сознания **перед лицом врага**. С уничтожением же этого врага, перед лицом которого примирялись все эти разнородные интересы эксплуатируемых групп, неизбежно проявление этих противоречий, неизбежен рост этих противоположностей на почве умственного и вообще психического неравенства людей, их развития, различия в общественном положении руководителей и руководимых, организаторов и организуемых, работников физического труда и умственного, квалифицированных и чернорабочих, узких

специалистов в системе сложного сотрудничества от разносторонней личности простой кооперации. Техническое разделение труда, без которого общество вернулось бы к жизни первобытных дикарей, кладет свой отпечаток и на психическое содержание индивидуальностей, отнюдь не равных. И вполне прав С. Булгаков, утверждавший, что "люди при всем своем внешнем (курсив мой Н.) обобществлении остаются непроницаемы друг для друга, отгораживаются стеклянной стеной, не видной, но ощутительной, и этот индивидуализм в социализме "всегда будет угрожать ему анархическим бунтом". Дурно ли, хорошо ли это, дурной ли или здоровый этот индивидуализм, но он будет существовать, будет и... бунт личности. Равенство может быть лишь равенством политическим и экономическим, свобода, следовательно, лишь относительной, ограниченной или, как выражается Булгаков, "свобода, как внешнее ограничение индивидуальной автономии". Наконец, непрерывность развития и его беспредельность дают нам право поставить вопрос о личности, переросшей рамки социалистической жизни. Объявит ли оно обществу борьбу, или уйдет из душевной для нее социалистической жизни? Куда уйдет? Остается все та же борьба, бунт, ибо "история есть неустанное стремление, вечная тревога, путь, не имеющий конца".

Трудность решения этой проблемы осложняется, как я уже указывал, тем еще, что цель, — создание такого общественного устройства, в котором каждый индивид мог бы существовать и действовать совершенно самостоятельно и свободно, — сталкивается с фактом существования человеческого общежития, которое является не только объектом воздействия сознательных личностей, но которое, как продукт, всей предыдущей истории, определяет личность. И старый, но вечно юный вопрос о примирении интересов личности и общества затягивает нас теоретически в заколдованный круг, откуда нет выхода. Вопрос всеми лишь ставится, но никем полностью не решается.

Подойдем к этому вопросу с практической стороны. Попытаемся реализовать принципы анархического индивидуализма. Полная свобода личности возможна лишь тогда, когда каждая личность будет хозяйственно совершенно незави-

«ни одна от другой, равной ей личности. Мы можем представить себе такое высокое развитие техники, такой расцвет системы электрофикации, когда каждый дом превратится в мастерскую. Электрическая энергия, передаваясь на большое расстояние, будет приводить в движение поставленные у себя дома станки, — строгальные, сверлильные, токарные, вязальные, швейные, прядильные и т. д., облегчая и совершенствуя работу на столько, что человек сможет содействовать себе, работая 2—3 часа. Остальное время распределится между производством продуктов потребления — садоводством, огородничеством, земледелием. Большого совершенства нельзя себе и представить: тут и свобода, тут и равенство, тут, следовательно, и братство, которому при социализме "нет места вообще и явиться ему неоткуда." Высшее устройство человечества, — говорит Булгаков, — предельное понятие, и норма его — не свобода и равенство,

а братство". (Первохристианство и новейший социализм, 45). Это так, но не церковь, не свободно-теократический союз, а анархический индивидуализм, если-бы он был возможен, решает проблему братства людей и народов. Но ведь ясно, что анархический индивидуализм с его "домашним" производством не может существовать без необходимой для работы механической энергии. Кто же ее доставит, кто поставит эту мощную станцию с ее турбинами, паровыми машинами, котлами, трансформаторами, моторами? Кто доставит необходимую для правильной работы станции горючий материал, пищу машин? Кто и где машины эти будет составлять и ремонтировать? Это сделает "Союз эгоистов". Значит, на ряду с индивидуальным хозяйством будет существовать и коллективное по типу сложной кооперации. Это первая поправка к анархическому индивидуализму. Вторая — для мелкого производителя нужны прежде всего моторы

слабой мощности, передаточные ремни, провода, лампы накаливания, амперметры, вольтметры и т. д. Кто ему их доставит? Какое-либо общество, их производящее? Нужны мелким производителям и сырье для переработки — кожа, железо, керосин, уголь, разные кислоты и проч. Их доставит тоже какое-либо общество. И еще, за что отде-

льные производители будут все это получать? Или за плату, тогда анархический индивидуализм является ничем иным, как строем капиталистических отношений, или, как член общества производителей, как составная часть, равноправная и полноправная единица целого, которому и принадлежат все орудия производства, где бы они ни были установлены — в частном ли доме, или на большой фабрике, на улице или в поле. Но в этом случае мы приходим к социализму в той или иной форме. Наконец, само положение о ведении хозяйства "единственным" — абсурд. Я академик, я герой, я мореплаватель, я плотник, я земледелец, я механик и электротехник, я повар и судомойка — все это идеально, но вряд ли возможно. Но если бы и было возможно, в далеком будущем, то одиночество предполагает ведь атрофирование в человеке потребности размножения, половой потребности. Человек превращается в бесполого муравья. Но "гармоничность" восстает против подобного допущения. Значит, придется допустить или возврат к тому, что называется "отсутствием семьи", к состоянию всеобщего смещения полов, или к семейной жизни. И в первом случае, этом высшем порядке жизни, и во втором ставится вопрос о воспитании детей. Их будет воспитывать или общество или семья. И в одном, и в другом случае свобода "единственного" терпит ограничения.

Прав Кропоткин, утверждая, что человек не может освободиться ни от привычек известной честности, ни от своих обязанностей по отношению к другому человеку.

Прав Бакунин, говоря: "свобода вовсе не есть явление изолированности, а явление взаимного отражения; не раз'единенности, а, наоборот, связанности, при условии, если свобода каждого индивида есть не что иное, как отражение его человечности или его человеческого права в сознании всех свободных людей, его братьев, равных ему".

Прав Михайловский, предполагая: "вполне мыслимо, что нравственно-усовершенствованная личность будет некогда существовать без особенных охранительных союзов и держаться только того чисто положительного вида сообщества, которое по техническим основаниям необходимо

для производительной личности”.

Все они правы, но вопрос о взаимном отношении этой производительной личности и общества с точки зрения сохранения личности своей свободы: вопрос о гармоничном развитии личности, если ”свобода есть явление связанности“ остается открытым, ибо ”как же связать враждебную личность и тенденцию общества ”раздробить личность“ с тем несомненным фактом, что общественная жизнь расширяет и обогащает наше личное существование“ (Михайловский). Ответ может быть только один: так как это противоречие неизбежно, то полной свободы личности быть не может, может быть лишь приближение к этому идеалу путем борьбы с вышеуказанной тенденцией общества. Борьба эта вечна. И в этой борьбе, в этой невозможности до-

биться полной свободы, и в этом неспясаемом стремлении ее добиться — залог непрерывности общественного прогресса.

Итак, попытка построения строя анархического индивидуализма неизбежно приводит к объединению людей в ассоциации, к созданию общности в какой-либо форме. Какова же эта форма? В следующих номерах рассмотрим два ее вида: централистический коммунизм и коммунизм анархический.

Г. Нестроев.

От Ред. Коллегии. Идя на встречу желаниям некоторых товарищей возможно шире осветить вопрос анархо-индивидуализма, мы помещаем статью тов. Г. Нестроева, хотя она и не вполне отвечает нашим взглядам по данному вопросу.

ЧТО ТАКОЕ МАТЕРЬЯЛИЗМ.

А. А. Солоневич.

Наука идет вперед накапливая факты и затем обобщая их в научные теории...

Факты наука получает путем наблюдения и опыта, а теории создает с помощью разума...

Наука не может быть если нет фактов, или если эти факты не приведены в порядок, в систему нашим разумом, творящим научную теорию, или, что то же научную гипотезу... Однако гипотеза, теория необходима науке лишь постольку, поскольку она помогает подвергнуть сырой материал фактов строгой математической обработке... Когда помощью гипотезы или теории такая обработка произведена, гипотеза становится ненужной и совершенно отбрасывается, ибо факты уже связаны теперь красивыми математическими формулами, совершенно уже не зависящими ни от каких теорий... Если бы мы захотели до конца прочесть математические формулы, обобщающие тысячи механических, физических или химических фактов, мы расшифровали бы в них ряды чисел, выражавших величины, с которыми мы имели дело в наших наблюдениях и опытах... Эти числа выражали бы количества метров, градусов, дни и т. п. элементов, на которые мы искусственно и условно разбивали наб-

людавшийся нами мир, исследовавшееся нами явление...

Так или иначе, но за всеми своими теориями и формулами, наука имеет в виду только то, что может быть увидено, услышано, осязаемо, обоняемо или вкушаемо, одним словом только то, что может быть уловлено одним из наших внешних чувств. Наука строит свое здание, пользуясь кирпичами, выжженными из глины внешних восприятий и скрепляя их цементом математического анализа...

Однако не все удовлетворяются таким медленным ходом наших знаний, не всех удовлетворяет и совершенно относительный, приближенный характер их, их чисто ремесленная значимость, отказ науки от решения важнейших и самых глубоких проблем человеческого бытия, неспособность и бессилие ее не только решить, но даже и правильно поставить эти проблемы и вот люди пытаются найти другие пути познания — метафизику, религию...

Что делает метафизика. Как она пытается разрешить вопросы познания... Метафизика говорит, что знание, получаемое нами через опыт наших внешних чувств — относительно и недо-

стоверно, а между тем человек ищет знания безусловного и безусловно достоверного, знания абсолютного... Наблюдение и опыт, внешние чувства не могут дать нам такого абсолютного знания ибо, как гласит основное правило науки, все то, что выведено на основании опыта, опытом же может быть и разрушено и кто может нам гарантировать, что самые наши великие обобщения, самые наши глубокие результаты не полетят кверху тармашками через несколько дней от новых опытов — вся история науки есть сплошная история таких катастроф и крушений...

Здесь нельзя отговариваться даже такими утверждениями, что зато де мол наука все ближе и ближе подходит к истине, потому что никто ведь не знает где эта самая истина и всего вероятнее, что наука будет вечно блуждать в заколдованном кругу, вечно создавая и разрушая созданное... Таким образом надо искать другого пути и метафизика считает, что таким путем может быть путь познания, построенный из самого чистого разума, что разум из самого себя как бы вылучит, вывыт истину, найдет ее в глубине самого себя.. Как бы там ни было, но имея ввиду нашу более узкую задачу, мы не будем останавливаться подробнее над этими общими вопросами, но перейдем прямо к нашей теме.

Метафизика говорит так: наш чувственный опыт не достоверен, т. к. он зависит от места и времени, но должно существовать нечто единое за всем тем, что нам является в наших чувствах, то единое, которое оставался всегда самим собой — не зависит ни от пространства, ни от времени и знание чего составит как раз содержание знания абсолютного... Эта единая основа единая сущность мира есть та сущность или, как говорит метафизика, та субстанция из которой как бы построен весь мир, все что мы можем видеть, слышать, обонять, вкушать, осязать. Но сама эта субстанция, являясь основой всякого явления, не может быть явлением, т. к. тогда она оказалась бы в пространстве и во времени и т. обр. сама от них бы зависела, а мы как раз и искали того, что от них не зависело бы...

Таким образом, такая основа мира, субстанции мира не могла бы быть нами воспринята, ни одним чувством уловить мы ее не могли бы, такая субстанция должна быть вне чув-

ственного опыта, она может быть только умопостигаемой, да и то еще вопрос — в какой мере... Одни утверждают, что эта субстанция чисто духовная, другие, что она чисто материальная, третьи, что этих субстанций не одна, а, на пример, две — материальная и духовная и т. д. отчего возникают различные метафизические системы — идеалисты, материалисты и т. д.

Материализм есть метафизическая система, утверждающая, что субстанцией мира является единая субстанция и что эта субстанция есть материя.

Мы говорим, что вещь существует если можем сказать, что она так или иначе воздействовала на наши чувства, что мы ее видели, слышали и т. п., но для вещей, о которых говорит метафизика, для вещей только умопостигаемых это невозможно, ибо их нельзя ни видеть, ни слышать, ни осязать, ни вообще как либо чувственно воспринимать и здесь полагают, что вещь можно считать данной, если ее можно определить, определение вещи вместо ее ощущения, а определение делается ведь разумом и играет здесь роль восприятия.

Таким образом, чтобы можно было в метафизике говорить о какой либо вещи, надо ее прежде всего определить, сказать — что она такое, какими обладает признаками и свойствами.

Основным свойством материи материализм считает протяженность, то что она занимает место в пространстве и кроме того еще некоторые свойства, о которых мы будем говорить дальше. Но прежде чем идти вперед, мы должны дать себе ясный отчет в следующем: как наука, так и метафизика ставят своей задачей осмыслить мир, ставят своей задачей найти основы рационального, разумного устройства вселенной и потому все, что говорит наука и метафизика имеет значение лишь постольку поскольку то, что они говорят разумно и имеет смысл.

Смысл же имеют лишь такие высказывания, которые не заключают в себе противоречия и потому, если мы видим, что из данного утверждения следует что либо противоречивое, то это значит, что само утверждение бессмысленно. Поэтому, если окажется, что данное утверждение метафизики противоречиво, то это будет значить, что бессмысленно само утверждение, а т. к. за-

дача метафизического утверждения как раз и состоит в осмысливании, то утверждение бессмысленное должно быть нами отброшено, как нелепое и негодное...

Итак, если мы увидим в утверждении материализма противоречие,* то это будет значить, что материализм несостоятелен и его надо как можно скорее выбросить вон. Итак посмотрим — возможно ли так определить материю, чтобы не получилось противоречий, причем еще раз надо подчеркнуть, что материализм есть метафизическая теория, утверждающая существование материальной субстанции и что т. обр. материю нельзя познать чувствами, нельзя осязать или видеть и что ее можно только определить разумом, если определение возможно без противоречий, в противном же случае вся теория материализма должна пасть.

Кроме протяженности, материи принадлежит признак, свойство непроницаемости. Это значит, что материя, занимая пространство, занимает его сплош, т. е. могут быть только два случая — или перед нами абсолютная пустота, или же сплош материя — ничего среднего быть не может. Разсмотрим теперь большой объем пространства, но абсолютно пустой. Если там есть материя, то она не может сплош заполнить этот объем, т. к. тогда было бы невозможно движение и остается единственная возможность, а именно, что материя, наполняющая этот объем, раздроблена на кусочки, находящиеся на расстояниях друг от друга... Без сомнения эти кусочки движутся туда и сюда, сталкиваются между собой и тем передают через толчки движение другим кусочкам...

Но при столкновении кусочков материи могут быть два случая — или эти кусочки упруги, или они не упруги. В последнем случае эти кусочки после столкновения не оттолкнутся, но останутся слипнувшимися и через некоторое время все кусочки материи слипнутся бы между собой, а т. к. этого на самом деле нет, то остается только второй случай — что эти кусочки упруги и после столкновения отталкиваются, разлетаются и т. д.

Однако допустить упругость кусочков материи, это значит допустить, что они могут сжиматься и разжиматься, т. е. что они сами состо-

ят еще из более маленьких кусочков...

Пойдем дальше: наши кусочки материи должны т. обр. состоять из кусочков более мелких, но ведь на таком же основании придется сказать, что и те в свою очередь, должны состоять из кусочков еще более мелких и т. д. — получим две возможности — или материя делима до бесконечности, или же она до бесконечности не делима. Но в первом случае, деля до бесконечности, в пределе мы приходим к точке, а точка непротяженна, т. е. нам придется допустить, что протяженная материя состоит из чего то непротяженного, что абсурдно, а во втором случае, т. е. признав, что материя неделима до бесконечности, мы приходим в конце концов к таким кусочкам материи, которые дальше уже нельзя раздробить, к неделимым, т. е. атомам, т. к. слово атом обозначает — неделимый. Атомы не делимы и потому не состоят из частей, что нелепо, т. к. пространство, которое они занимают — делимо до бесконечности и всегда состоит из частей, поэтому и здесь мы приходим к противоречию, но кроме того атомы не могут быть упруги, т. к. они неделимы и мы снова возвращаемся к старой нелепости, ибо неупругие атомы при столкновениях должны были-бы все слипнуться.

Т. обр. уже в самом начале построения теории материи материализм приходит к ряду нелепостей, но ведь это только начало, ибо для полного определения материи мы еще не ввели понятий массы, силы, движения... Если же бы мы ввели их, то противоречия и нелепости посыпались бы как из рога изобилия... Ясно т. обр., что материализм есть теория для маленьких детей, если дать себе труд подумать над ней и вся беда в том, что многие, занятые революционной борьбой, не имеют времени задуматься о ней поосновательнее. А между тем мы должны дать себе отчет в своем собственном мировоззрении, ибо от этого зависит очень многое и в наших поступках и в наших переживаниях.

Давая здесь критику материализма, мы показали всю его элементарную несостоятельность и остается показать почему его сделали своим боевым лозунгом социалисты и многие анархисты... Дело объясняется очень просто, материализм был выдвинут в виде протеста против насильственно навязывавшегося церковью офици-

ального идеализма... Протестуя, некоторые в своем протесте заходили слишком далеко перегибая палку в другую сторону... Дворянство выдвигало идеалистическое мировоззрение в подтверждение своего положения в жизни, а буржуазия выдвинула свободомыслие, смешав его с материализмом... Затем пришли писатели-социалисты и как свою религию выдвинули материализм... В пылу борьбы хватаются за первые попавшиеся под руку орудия, но это все же не освобождает нас от обязанности быть осматрительными и не связывать судьбу великого анархического движения с теориями слабыми и детскими.

Задача анархистов заключается также и в том, чтобы учитывать все завоевания, все достижения человеческой мысли и раскрывать перед ней новые горизонты, новые области, а не плестись в хвосте убогих пережитков, годных только для первых шагов еще незрелой детской мысли.

Наша задача — могучая творческая мысль, свободная и радостная, а не убогие потуги материализма, разсыпавшегося в дребезги под первым же прикосновением скальпеля строгой критической мысли.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ АНАРХИСТОВ О РЕВОЛЮЦИОННОМ НАСИЛИИ.

1. Буржуазное общество построено на насильии господствующих классов над обездоленными, которое выражается в монополизации орудий и средств производства и предметов потребления первыми и открытым физическим насильем над последними. Физическое насилие буржуазии опирается на армию, пополняемую путем принудительной мобилизации, вольнонаемную полицию и в последнее время еще на добровольческие отряды (фашизм), владеющие всеми завоеваниями современной техники.

2. Средством уничтожения классового насилия буржуазии служит в руках обездоленных:

а) бойкот законодательных органов государства (парламентов, муниципалитетов) и служб, поддерживающих буржуазное общество (полиции, суды и т. д.);

б) отказ от исполнения обязанностей, необходимых для поддержания государства (анти-милитаризм в формах как дезертирства, так и солдатских стачек, отказ от уплаты налогов и т. д.) и саботаж во всех видах;

в) революционное насилие, выражающееся в уничтожении военной силы буржуазии путем индивидуальных и массовых нападений и в проведении планомерной экспроприации обездоленными классами орудий и средств производства и предметов потребления.

3. Для целесообразного применения рево-

люционного насилия необходимо, чтобы анархическое движение располагало подготовленными кадрами военных техников и военных специалистов, которые могли бы захватить у государства и с'умели бы использовать для успеха революции все средства защиты и нападения, какими оно располагает (авиопланы, бронированные автомобили, ядовитые газы, скорострельные орудия, взрывчатые вещества, радио-электротехнику для связи и т. д.).

4. С этой целью необходима организация тайных военно-технических кружков анархистов, подготовляющих знатоков военной техники и военного искусства среди анархистов и популяризирующих эти знания в широких рабочих массах. В целях наибольшей конспиративности движения наиболее целесообразным типом организации является ирландская система замкнутых, соприкасающихся кружков. Каждый кружок замыкается при наличии 4—10 человек, связанных узами личной дружбы, а вновь рас-пропагандированные члены объединяются в новые кружки, поддерживающие связь со старым через 1—2 членов. Движение представляет сеть соприкасающихся кружков и не имеет никаких выборов органов.

5. Для широкой подготовки пролетарских масс к военному делу необходима правильная организация спорта. Целесообразно пропагандировать и насаждать те виды спорта, которые дают знакомство с военным строем, с огнестрельным оружием, с техникой воздушного транспор-

та и т. д. Необходима также широкая культурно-просветительная работа среди масс в целях повышения их технических знаний, нужных для военного дела (электротехника, газовые и паровые двигатели, химия, математика, геодезия и т. д.). Всякие уличные шествия целесообразно использовать в качестве строевых маневров.

6. С началом открытой гражданской войны военно-технические кружки анархистов развертываются, путем вербовки добровольцев, в партизанские отряды, приступающие к вооруженному захвату средств ведения войны, складов оружия, путей и средств сообщения, частных и государственных капиталов для приобретения оружия, снаряжения и т. п. В это же время организуется революционный военный штаб, руководящий военными действиями против вооруженных сил буржуазного государства. Во всякое иное время, кроме периодов развертывания кружков в повстанческую армию, частичные экспроприации вредны и недопустимы, в виду деморализующего значения чисто-военных мероприятий в мирное время.

7. Революционное насилие необходимо только в целях уничтожения военных сил государства и проведения экспроприации буржуазии, по окончании которых партизанские отряды свертываются и штаб распускается, устанавливая непосредственные связи между военно-техническими кружками анархистов. Развертывание военно-технических кружков также может быть вызвано возникновением гражданской войны на внешнем фронте анархического общества, если революция не будет международной. Само же анархо-коммунистическое общество не допускает в своей среде никакого насилия над личностью и поэтому не нуждается в какой бы то ни было организации насилия.

В. Худолей.

Р. С. Вопрос о революционном насилии необходимо подвергнуть дискуссии потому, что за период с 1890-х и по 1920 г. г., когда анархисты в значительной степени полиняли и рассин-

дикалились, вошло в привычку повторять Сорелевский миф о том, что "всеобщая стачка есть социальная революция". Это предрассудок. Социальная революция есть вооруженное восстание, а всеобщая стачка только одно из средств воспитания классовой воли пролетариата.

Далее, браунинг и динамитная бомба — традиционные средства индивидуального нападения — устарели. Когда русские революционеры 80-х годов бросали бомбы — они пользовались последним словом военной техники. Кибальнич, например, был изобретателем ручной гранаты. Современная нам наука выдвигает новые средства индивидуальной борьбы; бомба и браунинг — достояние исторического музея, а не современной техники. Чтобы овладеть завоеваниями современной техники нужна тщательная подготовка.

Затем, военно-техническая подготовка должна быть организована анархическими группами, а не безпартийными экономическими организациями потому, что, во-первых, последние имеют свои узкие задачи, выполняемые свойственными им приемами, а во-вторых, потому, что экономические организации не имеют никаких внутренне-присущих тенденций и служат любой политической партии. Так, русские фабрично-заводские комитеты создали Красную Гвардию, которая стала опорой советской власти, а германские профсоюзы — дружины, которые подавили Спартаковское восстание. Анархизм нуждается в анархических отрядах. Чтобы выковать победу Анархии, анархическая организация должна быть не "союзом ораторов, литераторов и книготорговцев", а боевой организацией. Ораторы, литераторы и книготорговцы должны быть вспомогательным средством (как и всякие иные общества — проф. союзы, кооперативы, кассы взаимопомощи и т. д.) для тайной боевой организации. Последняя может превратиться из тайной в явную только во время вооруженного восстания.

В. Худолей.

РАСПЯТАЯ.

Когда ночами брожу псом воющим
 В портрете до капель схожий с жуликом,
 Финский нож блестит и сверкает за поясом,
 В карманах тяжесть револьверных пулек.
 В голове мысли свинцовее жалости,
 С тьмою шаги расплываются гулами.
 Сам я подумал бы: "Детские шалости..."
 Если б... не стальное дуло.
 Сам я подумал бы: "Многие стены,
 Крепы затворов — преград невозможные..."
 Если б о камни не выбил колена,
 Грудь бы не выпачкал в пыли дорожной.
 И что мне с мыслью моею мудрою!
 Как собака на Марсе, я, одинокий!
 Куда девали Мою Златокудрую,
 У которой слова — огневые истоки?
 У которой очи на лед похожи,
 На лед, схоронивший мятежные воды...
 Эй! ты, прохожий! Эй! стой, прохожий!
 У меня курок на взводе.
 У меня, разбойного, острый нож за поясом,
 В карманах сто револьверных пулек.
 Не даром ночами искал я псом воющим,
 В подзаборной тени притаившись, как жулик,
 Не даром вылюбил, как ночь темную,
 Не даром выходил тоску жестокою...
 Куда девали Мою Истомную,
 Мою Любовную Голубооую?
 Вот ты, прохожий! франт сухопарый!
 Любишь коньяк и зеленый шартрез.
 Ты лишь вчера на извощичьей паре
 В Дом Терпкой Страсти Мою увез.
 Подлый рахитик с кокаином и пудрою,
 Который из принципа жизнь промотал!
 Еще вчера ты Мою Златокудрую

На Золотом Кресте распинал!
 Еще вчера ты Царицу Голодную,
 (Ведь голод задавит и Царственный Стыд!)
 Терзал рукой сифилитною, потною...
 Слышишь, прохожий, как... сердце стучит?
 Эх! вырвись, сердце! лопни от жалости!
 Выстучи так, что б темнело в очах!
 Сам я подумал бы: "Детские шалости..."
 К стенке, прохожий! Трах-тах-тах-тах!
 Трах-тах-тах-тах! От забегавших пулек
 Пляшет по улицам вычурный смех.
 Вышел на пир разгулявшийся жулик,
 Вышел один против всех.
 Стойте, проезжие! стойте, прохожие!
 Эй! стой, карета! не шутка тебе!
 У меня боль ни на что не похожая,
 У меня стальной пистолет в руке.
 Вы, все довольные жизнью покоюшей
 И равнодушные в скучающем зле,
 Вам мое горе и выкрик мой воющий:
 Крест Золотой на проклятой Земле!
 Кровью Невинною Дева Распятая
 Вымыла камни больших площадей;
 Звери нарядные, звери богатые
 Зло надругались над ней.
 Долго бродил я с тоской своей мудрою,
 А теперь... пусть купается лучше в крови!
 Куда девали Мою Златокудрую,
 У которой Любовное Пламя в груди?
 Куда девали Мою Голубооую?
 На каких гвоздили Золотых Крестах?
 Вы, толстопузые! Вы, кривобокие!
 Вы, сифилитные! Трах-тах-тах-тах!

Анатолий Консе.

О ЗАКОНАХ.

(Пословицы и поговорки).

По сборнику Вл. Даля и др.

Где закон, там и обида.

Где закон, там и преступление.

Если бы не законы, не было бы и преступников.

Не будь закона, не стало бы и греха.

Строгий закон виноватых творит (или: велику вину творит).

Закон, что паутина, шмель проскочит, а муха увязнет.

Закон бедняка видит издалека, а на богатого плута глаза закрывает.

Перед законом бедняк всегда виноват.

Самый добрый закон бедняку в тягость.

Нужда закона не знает. Про нужду закон не писан.

Нужда закона не знает, а через шагает.

Для богачей законы не писал.

Закон не судит деньги, а деньги судят закон.

У закона глаз нету. У закона глаза золотом запорошены.

Что мне законы, коли судьи знакомы.

Закон дышло: куда захочешь, туда и воротишь.

Закон карает, а не поучает.

Закон знает немного, потому и карает строго.

Плох тот закон, который карает.

Не казни, закон, казнью лютою: накажи меня справедливостью.

Кто законы писал, тот правды не знал: а кто правду видел хоть раз, тому закон не указ.

Кто законы пишет, тот их и ломает.

По закону жить, правду забыть, а по правде жить, наказанному быть.

По правде — не по закону, по закону — не по правде.

Беззаконная правда пред законом виновата.

Закон не ищет правды, а ищет послушания.

Не правдой закон держится, а силой.

Не правда должна подчиниться закону, а закон должен подчиниться правде.

Не кажи закону правды: закон за правду покарает.

Писанное право — одна слава, законный суд — не разсуд.

Кто богат, тот и прав: кто сильнее, тот и правее.

У богачей права, у бедняков бесправие.

Закон обычаю не указ

Обычай крепче закона.

Обычай один — всему господин, а законов хоть и много, да толку в них нет.

Обычай святы, законы прокляты.

У закона слуг много, а друзей — никого.

Закон по головке погладит, так голова с плеч скатится.

Законы хороши, законники плохи: законники хороши, законы плохи.

Ох! устави, устави, нет на вас управы.

Все бы законы потонули, да и судей бы перетопили.

Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили.

Собрал и записал А. К.

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕД. КОЛЛЕГИИ.

Финансовый отчет, по независимым от Редакционной Коллегии обстоятельствам, в этот номер не вошел. Будет помещен в следующем номере.